

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

СОЛГИ СО МНОЙ

САБИН ДЮРАН

Сабин Дюран
Солги со мной
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39423672
Солги со мной: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-983355-0

Аннотация

Все началось с маленькой лжи, благодаря которой не слишком успешный писатель и любимец женщин Пол Моррис попытался покорить сердце своей новой «жертвы» – адвоката Элис Маккензи.

Однако совместная поездка в Грецию обернулась для Пола не беззаботным отдыхом, а кошмаром. Его обвинили в убийстве юной девушки, пропавшей в тех местах еще десять лет назад. Нестыковки в показаниях, недомолвки – все говорит против Пола. Спасти его могло бы лишь алиби, подтвержденное Элис и ее друзьями. Но почему они молчат? И даже пытаются сделать все, чтобы убедить полицию в виновности Пола?

Неужели он, считавший себя удачливым лжецом, теперь сам оказался жертвой расчетливой и циничной лжи?

Содержание

Сначала	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	80
А потом	91
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Сабин Дюран

Солги со мной

Sabine Durrant
LIE WITH ME

© Sabine Durrant, 2016

Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Франческе

Август 2015

Прошлой ночью мне пришло в голову, что все началось раньше.

Сидя в темноте, я в ужасе нацарапал ногтем на внутренней стороне предплечья слово «книжный». Его уже не видно — кожа воспалилась из-за укуса насекомого. Наверное, я раздирал зудящее место во сне. И все-таки запись, как обычно, помогла, и сегодня утром я отчетливо все помню.

«Хадсон энд компани», магазин подержанных книг на Чаринг-Кросс-роуд. Раньше я думал, что начало — именно здесь и жизнь повернулась бы иначе, не заприметь я ту маленькую

рыжую бестию. Или я ошибаюсь и маховики механизма пришли в движение многими месяцами ранее? Ведет ли ядовитый след в прошлое гораздо более отдаленное, чем исчезновение Джесмин? В университет? Или вовсе в школу, в детство, в то мгновение, когда в семьдесят третьем году я, пунцовый от натуги, впервые посмотрел на этот беспощадный мир?

Задаюсь вопросом: мы сами роем себе могилу? Насколько я сам виноват в этом кошмаре? Можно рвать и метать, сопротивляться в знак протеста или в отчаянии делать глупости... А может, просто поднять руку и признать вину?

Сначала

Глава 1

Это был один из тех серых, промозглых лондонских дней, когда сливаются воедино небо, тротуар и мокрые здания. Давненько я не видал такой погоды...

Я только что отобедал со старинным другом, Майклом Стилом, в подземном переходе у Чаринг-Кросс, в баре «У Портера», в который мы хаживали с шестнадцати лет, когда впервые открыли для себя его укромное расположение и немногословность владельца. Сейчас, разумеется, оба предпочли бы что-то менее сырое и темное (шикарное маленькое бистро на Сент-Мартинс-лейн, что специализируется на лунарских винах, *par example*¹), но ностальгия – суровая штука. Ни один из нас не решился бы об этом даже заикнуться.

Обычно, расставаясь с Майклом, я шагал уверенно, ощущая, как от сознания превосходства у меня распирает в паху. Его жизнь складывалась из претензий жены, заботы о сыновьях-близняшках и хлопот юридической практики в Бромли, и потому он слушал байки о моих приключениях – пьяных ночах в Сохо и молоденьких подружках – с завистью.

---

¹ Например (*фр.*).

«И сколько ей? — спрашивал он, кромсая яйцо по-шотландски. — Двадцать четыре? Ничего себе!» Майкл не был заядлым читателем и, в силу сочетания преданности с невежеством, все еще считал меня «человеком, добившимся грандиозного успеха на литературном поприще». Ему не приходило в голову, что второсортного бестселлера двадцатилетней давности маловато, чтобы бесконечно поддерживать репутацию. Для Майкла я оставался, цитирую, «звездой литературного Лондона». Когда он, неизменно оправдывая мои ожидания, оплачивал счет, в этом жесте сквозила не столько снисходительность, сколько почитание таланта. И если для поддержания статус-кво требовалось определенное количество взаимных хитростей, цена невелика. Уверен, не одна дружба построена на лжи.

В тот день, однако, поднимаясь на поверхность, я вновь осознал свою никчемность. Как ни скрывай, истина заключалась в том, что жизнь в последнее время пошла под откос. Мой последний роман только что отклонили, а Полли, та самая пигалица двадцати четырех лет, бросила меня ради какого-то небритого политического блогера-молокососа. И что самое скверное, как раз в то утро я обнаружил, что меня выселяют из квартиры в Блумсбери, в которой я бесплатно обитал и которую называл домом последние шесть лет. Короче говоря, сорок два года, на мели и с унижительной перспективой переезда к матери в Ист-Шин.

Вдобавок, как я уже сказал, шел дождь.

Уворачиваясь от зонтов, я устало тащился по улице Вильгельма IV в сторону Трафальгарской площади. Около почты тротуар перегородила толпа иностранных студентов в неоновых кроссовках и с рюкзаками. Меня вытолкнуло в сточную канаву. Нога угодила в лужу, такси обдало брызгами штанину вельветовых брюк. Я чертыхнулся и поковылял через дорогу, лавируя между ждущими пассажиров машинами, свернул на Сент-Мартинс-лейн и через Сесил-корт вышел на Чаринг-Кросс-роуд. Мир сотрясался от дорожного движения и inferнального хаоса стройки Кроссрейл. С небес низвергалась вода. Я только успел проскочить станцию метро, и вереница туристов с сумками снова вытеснила меня с дороги и впечатала в витрину магазина.

Прижавшись к стеклу, я переждал, пока они пройдут, и закурил. Я стоял около «Хадсон энд компани», магазина подержанных книг по фотографии и кино. Имелся у них в глубине и маленький раздел беллетристики, откуда, если память мне не изменяет, я однажды «позаимствовал» раннее издание «Счастливого Джима». (Не самое первое, а то, с оранжевой эмблемой «Пинджин букс» и иллюстрацией Николаса Бентли на обложке. Классное!)

Сейчас для магазина настали не лучшие времена – почти все верхние полки были неуютно пустыми.

И тут я заметил эту скучающую продавщицу.

Она глазела в окно, посасывая прядь длинных рыжих волос и излучая такую чувственность, что я ощущал покалы-

вание в кончиках пальцев.

Я затушил сигарету, убрал ее в карман пиджака и толкнул дверь.

Выгляжу я недурно (а тогда, до всего этого, был и вовсе молодцом). Лицо того типа, что, как говорят, нравится женщинам: голубые глаза с прищуром, высокие скулы и полные губы. Я уделял внешности немало внимания, хотя тем самым добивался впечатления, что все как раз наоборот. Порой, бреясь, разглядывал свои точеные симметричные щеки, аккуратные щетинки и легкую горбинку патрицианского носа. Интерес к интеллектуальным упражнениям, на мой взгляд, не оправдывал наплевательского отношения к телу. У меня широкая грудь. Даже теперь я изо всех сил держусь в форме –годились упражнения, которые я подсмотрел в первый бесплатный месяц занятий в спортзале. Кроме того, я мастерски пользовался своей внешностью: робкая самокритичная улыбка, дозированный зрительный контакт, творческий беспорядок на светловолосой голове...

Когда я вошел, девица едва взглянула в мою сторону. Длинный топ с геометрическим рисунком, легинсы, грубые байкерские ботинки, три гвоздика в ухе и обильный макияж. Сбоку на шее – тату в виде бабочки.

Я наклонил голову и тряхнул шевелюрой.

– Черт!.. Ну и погода!

Она качнулась на широких каблуках, села на металлический табурет и, бросив взгляд в мою сторону, выпустила изо

рта прядь волос.

Я добавил громче:

– Конечно, Рёскин говорил, что плохой погоды не бывает – только у хорошей бывают разные обличия...

Скучающий рот едва заметно изогнулся в подобии улыбки.

Я приподнял мокрый ворот.

– Скажите это моему портному!

Улыбка растаяла. Портному? Ну да, откуда ей знать, что я шучу и пальто куплено по дешевке в благотворительном магазине?

Шагнул ближе. На стакане «Старбакс» черным фломастером было написано «Джози».

– Джози, верно?

– Нет, – отозвалась она равнодушно. – Просто назвалась так для бариста. Всегда называюсь по-разному. Вам помочь? Ищите что-то конкретное?

Окинула взглядом мокрое сукно пиджака, вельветовые брюки, хлюпающие водой броги и их обладателя, жалкого мужчину не первой молодости. На прилавке завибрировал телефон. Она его не взяла, но косо взглянула и подвинула локтем, чтобы видеть поверх стакана. На меня – ноль внимания.

Уязвленный, я тихо ретировался в глубину магазина и сел на корточки, притворяясь, что просматриваю нижнюю полку (любые две книги за пять фунтов). Пожалуй, она чересчур

молода, только что из школы, — не мой контингент. И все равно — нахалка!

Здесь внизу пахло сырой бумагой, потом и прикосновениями других людей. Снова повеяло равнодушием. Пока я листал желтеющие томики в мягкой обложке, в голове само собой всплыло последнее письмо издателя: «Слишком экспериментально... Неформат... Почему не написать роман, где есть хоть какое-то действие?» Я встал. Шли бы вы куда подальше! Сейчас как можно достойнее покину эту лавку и зарулю в Лондонскую библиотеку или — быстрый взгляд на часы — в «Граучо». Скоро три. Кто-нибудь в клубе да и угостит выпивкой.

С тех пор я не раз силился вспомнить, зазвенела ли дверь, с колокольчиками она там или нет... Когда я вошел, магазин казался пустым, но среди полок легко спрятаться, вот как я, и наблюдать исподтишка. Он притаился внутри? Пахло ли ароматом «Вест индиан лаймс»? Почему-то мне это важно. А может, нет, и сознание просто ищет логическое объяснение чистой случайности.

— Пол! Пол Моррис!

Из-за стеллажа торчала голова. Я быстро провел «инвентаризацию»: близко посаженные глаза, залысины, придававшие лицу нелепую форму сердечка, невыдающийся подбородок. Вспомнил я его благодаря широкой щели между передними зубами. Энтони Хопкинс, из Кембриджа, с моего потока. Историк, если не ошибаюсь. Пересекались несколь-

ко лет назад на отдыхе в Греции. Смутное ощущение, что я предстал тогда не в лучшем свете.

– Энтони? Энтони Хопкинс?

Он раздраженно нахмурился.

– Эндрю...

– Да, конечно, Эндрю! Эндрю Хопкинс. Извини! – Я хлопал себя по лбу. – Сколько лет, сколько зим!

Я отчаянно копался в памяти. Мы с Саффрон, тусовщицей, с которой я тогда спал, и ее друзьями поехали на экскурсию вокруг острова. Когда сошли на берег, я их потерял. Вроде бы пили. Эндрю одолжил мне денег?.. Сейчас он стоял передо мной в костюме в тонкую полоску и протягивал мне руку. Я ее пожал и добавил:

– Да, давненько не виделись...

– Последний раз – на Пиресе, – хохотнул он.

Через руку у него был переброшен мокрый плащ. Продавщица, прислушавшись, поглядывала в нашу сторону.

– Как ты? Все еще сочинительствуешь? Видел твою колонку в «Ивнинг стандарт». Книжное обозрение? Нам тогда понравилась твоя книжка. Сестра была в восторге, что ее напечатали.

– О, спасибо! – Я кивнул.

Ну конечно, его сестра! Немного общались в Кембридже.

– «Примечания к жизни»... – Я говорил громко – пусть маленькая шалава на кассе поймет, что упустила. – Да, многие хвалили. Видимо, задело за живое. В «Нью-Йорк таймс»,

кстати, написали...

– Состряпал увлекательное продолжение? – перебил он.

Девчонка наклонилась, чтобы включить тепловую пушку. Я сделал шаг в сторону и, к своему удовольствию, успел разглядеть мягкую выпуклость груди в розовом лифчике.

– Вроде того.

Я не собирался распространяться о сиквеле, который произвел эффект мокрой петарды, и вялых продажах следующих двух книг.

– Работник творческого цеха! Всегда что-то занимательное в жизни. Не то что у нас, бедных юридических крыс!

Продавщица вернулась на свой табурет. Шелковистый топ под струей воздуха соборился в рюши. А Хопкинс все молот языком: работает в «Линклейтеرز», по гражданским делам, дослужился до полноправного партнера.

– Пашешь еще больше. Ни выходных, ни проходных, на телефоне круглые сутки!

Он пожал плечами, словно крыльями взмахнул, маскируя самодовольство мнимой покорностью судьбе. Что поделать? Дети в частной школе, бла-бла-бла, две машины, ипотека, которая его «в могилу сведет». Несколько раз я вставлял: «Надо же!.. Ага... Ясно». Он не унимался, показывая, какой он крутой. Хвалился женой, делая вид, что жалуется. Мол, Тина бросила Сити – «вымоталась бедняжка!» – и открыла в Далвич-Виллидж – «ты упадешь!» – небольшой магазин пряжи. Да еще и преуспела! «Кто бы подумал, что на шерсти можно

заработать?» Эндрю издал смешок.

– Не я во всяком случае! – ответил я храбро, потому что начал уставать от этого разговора.

Он рассеянно взял с полки книгу. «Хичкок» Франсуа Трюффо.

– Сейчас женат? – спросил, постукивая ею по ладони.

Я покачал головой. «Сейчас»? Снова всплыла в памяти его младшая сестра. Тоже щель между зубами, короткая стрижка. Спросить бы, как она, только запаматовал имя. Лотти? Летти? Прилиппи, это точно! Интересно, мы переспали?..

Неожиданно мне стало жарко и неудобно. Остро захотелось на улицу.

Я не расслышал, что сказал Хопкинс, уловил только про «ужин для друзей». Он игриво шлепнул меня «Хичкоком» по руке, как будто за последние двадцать лет или две минуты заработал право на такую фамильярность. Достал телефон, и я с холодеющим сердцем понял, что он готовится записать мой номер.

Я посмотрел на дверь, за которой по-прежнему шел дождь. Рыжая искусительница читала книгу. Я изогнул шею, чтобы разглядеть автора. Набоков. Пафосная болтовня! Отчаянно захотелось вырвать у нее книгу, схватить за волосы и прижать пальцем татушку на шее. Прочитать!

Повернувшись к Хопкинсу, я с улыбкой продиктовал номер. Он заверил, что позвонит, и я сделал мысленную по-

метку не отвечать.

Глава 2

Он снова вышел на связь две недели спустя, в конце февраля, во вторник. Я доживал последние деньки в Блумсбери. Так мы когда-то договорились: хозяин, Алекс Янг, скрипач нью-йоркского филармонического оркестра, разрешил пользоваться квартирой в обмен на кормление кошки. Съезжать приходилось, только когда они с бойфрендом бывали в Лондоне. Ламбс-Кондит-стрит с ее элитными кофейнями и шикарными старомодными магазинами одежды для джентльменов стала моим духовным пристанищем. Квартира на верхнем этаже высокого здания в георгианском стиле, в которой не было ничего моего (картины, белое льняное постельное белье, мебель середины прошлого века, итальянская кофеварка – все принадлежало Алексу), создавала нужный мне имидж. Но срок договоренности подходил к концу, и я даже думать об этом боялся.

Когда зазвонил телефон, я блаженствовал в потертом бархатном кресле с «Лондонским книжным обозрением», греясь в лучах редкого зимнего солнца. Сквозь высокое окно столб света заливал всю комнату. Тени от квадратиков переплета расчерчивали турецкий ковер, как для игры в классики. На столе рядом с чашкой кофе лежал бутерброд с сыром – последний мой хлеб. Персефона, к которой я успел привязаться, свернулась у меня на коленях, словно норковая

шкурка.

Номер был незнакомый, но меня застигли врасплох. Накануне вечером в пабе я встретил Кейти, выпускницу университета, которая мечтала пробиться в журналистику. Написал ей на ладони телефон и имейл («Вдруг захочешь посоветоваться») и сейчас живо представил эту консультацию за бутылкой вина («Удобнее всего, наверное, у меня»): Кейти, затаив дыхание, внимает мэтру и из благодарности ложится с ним в постель.

– Пол Моррис, – произнес я отрывисто, как и положено занятому человеку.

– Ага, попался!

Не Кейти... Мужской голос, который я не сразу узнал. Какой-нибудь крючоктвор из печатных изданий, где я время от времени подрабатываю?... Доминик Беллоу из Сохо, товарищ по пьянке и редактор журнала «Станза», недавно подкинул мне на рецензию Уилла Селфа, и я уже просрочил. (Вечная фигня с неполной занятостью: не делаешь даже то небольшое, что есть.)

– Да... – нерешительно ответил я.

Притворяться, что ошиблись номером, поздно – уже представился.

– Ну привет! Звоню, чтобы выманить тебя в Далвич, в нашу глушь.

Далвич?

– Тина мечтает с тобой познакомиться!

Какая Тина?..

– А мне, пожалуй, надо держать ухо востро, греховодник ты старый! Я тебе еще Флорри не простил! – Он громко рассмеялся.

Флорри. Ну конечно! Флорри, а не Лотти! Флорри Хопкинс, сестра Энтони Хопкинса. В смысле Эндрю. Один черт... Вспомнилось, как тогда в книжном он, криво улыбаясь, отчеканил: «По гражданским делам».

– Замечательно, – отозвался я. – Просто чудесно!

– Давай в выходные. Скажем, в субботу. Клиент отблагодарил ящиком неплохого вина – как не позвать друзей! «Шатонёф-дю-Пап» две тысячи девятого года. А Тина обещала своего фирменного тушеного ягненка по-мароккански.

Гордиться здесь нечем, но, когда насилу сводишь концы с концами, поневоле высчитываешь: цена и неудобство дороги на юго-восток Лондона против возможной выгоды. Хороший ужин, бокал славного французского вина – все не лишне. Не будем забывать и о связях. Я вот-вот останусь без крыши над головой. Никогда не знаешь, кто окажется палочкой-выручалочкой. И еще вопрос: насколько Эндрю богат? В памяти всплыл пиджак, который точно влитой сидел на плечах, холеная ладонь, пожимающая мне руку. Любопытно взглянуть на его дом...

На меня мрачно пялился бутерброд с сыром. Ломтик белого хлеба загнулся кверху.

– В субботу? Дай сообразить... На следующей неделе я в

Нью-Йорке, но в субботу еще здесь. Да, в субботу подойдет.
– Отлично!

Он продиктовал адрес.

Повесив трубку, я еще некоторое время сидел в кресле, глядя кошку.

Его инструкции привели меня на широкую, усаженную деревьями улицу на дальней окраине Далвича – добрых десять минут пешком от Херн-Хилл, ближайшей станции – по той же ветке от вокзала Виктория, что и логово Майкла в Бекенхеме, куда я частенько заглядывал в воскресенье на обед. Только этот пригород выглядел иначе: более просторный и малолюдный. Именно здесь живет мой чудак-агент. Кто бы сомневался! Дороги самоуверенно широкие, и даже деревья, кажется, излучают самодовольство.

Эндрю жил в отдельном коттедже.

Стиль позднего викторианского периода, остроконечная крыша, круговой подъезд, где под причудливыми углами припаркованы три машины, заросший выюнками газон. На изгибе водосточной трубы болтается покинутое гнездо. Жалюзи на окне комнаты, фонарем выходящей на парадную сторону, открыты. Между деревянными рейками поблескивает свет, мерцает огонь, двигаются тени...

Я остановился за живой изгородью и попробовал закурить, из-за резкого ветра истратив не одну спичку. Под мышкой я зажал купленное на станции вино. Совиньон-блан про-

изводства Чили, четыре фунта девяносто девять пенсов. Синяя оберточная бумага на запотевшей бутылке уже начинала рваться.

Мимо проехал большой автомобиль, щадя подвеску и притормаживая на лежащих полицейских. На противоположном тротуаре куда-то тащилась с музыкальными инструментами стайка подростков. Помедлили около уличного фонаря. Один, плясая на меня, что-то прошептал, другие захохотали. В таком районе одинокий мужчина без жены, детей, собаки, полноприводного «Вольво» или, на худой конец, долбаной виолончели выглядит белой вороной. Я отвернулся к изгороди из бирючины. В ветвях на уровне глаз запутался новогодний дождик. Не выпуская изо рта сигарету, я потянул за него и выудил красный елочный шар с белой снежинкой. Сунул в пальто. Затянулся напоследок, швырнул сигарету на землю и затоптал.

Странно сознавать, что в ту секунду я еще запросто мог передумать и пойти на станцию с елочной игрушкой в кармане, и единственным свидетельством моего визита стал бы окурок в траве.

Сначала я решил, что ошибся. Дверь открыла кареглазая женщина с большим приветливым лицом и густыми выющимися волосами, которые она пыталась приручить с помощью зеленого шелкового шарфа. Чересчур богемна для жены Эндрю!

Развел руками, махнув бутылкой вина: вот он я.

Окинула меня оценивающим взглядом.

– Наверное, Пол Моррис? Мы жаждали. Проходите-проходите! Я Тина.

Я протянул свободную руку, и Тина ее пожала, увлекая меня в прихожую, где по стенам плясали ромбики света от большой стеклянной люстры. Наверх, величественно изгибаясь, вела лестница с темными балясинами перил. Я снял твидовый пиджак, и Тина повесила его в большой французский армуар. Когда она открыла дверь в гостиную и незнакомцы повернулись от фортепьяно поглазеть на новенького, я почувствовал себя голым. В камине мерцал огонь. Ноздри щекотал приторно-сладкий запах горящих свечей. Со всех стен на меня смотрели фотографии детей в купальниках и лыжных комбинезонах.

В памяти зашевелилось воспоминание, словно в колодеце взбаламутили воду. Приглашение на чай к однокласснику, костюм, в который меня обрядили, взгляд, каким мой школьный товарищ обменялся с матерью. Я сглотнул.

Подошел Эндрю.

– Старина! Как хорошо, что выкроил для нас часок перед Нью-Йорком!

– Нью-Йорком? Ах да, по делам... Это быстро, метнусь на пару дней.

Я протянул вино. Глядя мне в глаза, Эндрю положил бутылку за четыре девяносто девять себе на руку, широким

концом к локтю – как заправский сомелье. Его шею после бритья покрывали крошечные пупырышки.

– Давай познакомлю!

В лучшем костюме, без галстука и в белой рубашке с расстегнутыми тремя пуговицами, я расфуфырился сверх меры. Остальные гости явились в джинсах, футболках-поло и цветастых туниках. Я сделал глубокий вдох, поправил манжеты и растянул губы в улыбку, которая – я это знал – так нравится женщинам.

– Пол, университетский приятель, о котором я говорил!

Эндрю подвел меня к фортепьяно и оттарабанил имена: Руперт, Том, Сьюзи, Иззи... Перед глазами поплыли подбородки, острые носы, худые ноги, кашемир и висячие серьги – я тут же запутался.

– Да, и Бу! – спохватился он, указывая на невысокую толстушку, про которую чуть не забыл.

В руку мне сунули холодный высокий бокал шампанского. Мандраж спал – всеобщее внимание часто действует на меня благотворно. Вскоре я, облокотившись на пианино, живописал трудности дороги сюда: метро, электричка, тысяча миль на своих двоих... Повернулся пожуричь Эндрю.

– Один я был без машины. Как в Лос-Анджелесе! Пришлось дважды тормозить кого-то и спрашивать.

Эндрю расхохотался.

– Пол романист!

– Романист? – изумилась Сьюзи.

– Да.

– Сколько тебе было, когда ты написал «Примечания»? Двадцать два? – спросил Эндрю.

Я скромно улыбнулся.

– Двадцать один, на последнем курсе в Кембридже. А в двадцать два опубликовали. Девятое место в рейтинге «Сан-ди таймс»...

Какие чистые, невинные слова! Я чувствовал, как они ложатся на свежую почву и пускают корни – новые побеги, ростки надежды.

– Потрясающе! И с тех пор продолжаете? – поинтересовалась Сьюзи.

Улыбка застыла у меня на губах.

– Потихоньку... Пара повестей, вы вряд ли слышали...

– А правда, что в каждом человеке скрыта книга? – раздалось за спиной.

Затасканная фраза. Повернул голову посмотреть, кто ее произнес. В дверях стояла стройная изящная блондинка с волосами до плеч и в перепачканном мукой фартуке.

Шагнула навстречу и протянула руку. Звякнули серебряные браслеты. У нее был маленький острый подбородок и кривоватый рот в бледно-розовой помаде, которая не шла ей. Несмотря на очевидно зрелый возраст, она чем-то напоминала ребенка. Ничего особенного, однако более привлекательная, чем остальные экземпляры.

– Я Элис. Мы уже встречались.

Что-то знакомое в ней действительно было, но я никак не мог вспомнить.

– В самом деле?

Не опуская руки, она склонила набок голову.

– Элис Маккензи.

Эндрю отлепился от фортепьяно.

– Не узнаешь, Пол? Вы с Элис виделись. Ну хотя бы той ночью в Греции!

Засмеялся.

У ног моих разверзлась пропасть. Вспоминать Грецию я не любил... Игнорируя протянутую руку, наклонился и чмокнул Элис в щеку.

– Разумеется, – ответил я.

Она приподняла ко мне лицо и застыла.

– Вы курили. Запах...

Я поднял руки, как будто сдаюсь.

Она наклонилась ближе, коснулась руками ворота моей рубашки и втянула носом воздух.

– Не извиняйтесь, это восхитительно!.. Ладно, пора на кухню, меня там заждались.

Снова исчезла. Эндрю проводил ее взглядом.

– Какая же Элис удивительная! – придвинулась Бу. – Настоящий ураган энергии!

– Что вы говорите!

Мне она показалась вполне заурядной.

– Да, просто что-то невероятное! – подтвердила Бу и воз-

высила голос: – Эндрю, сколько ей было, когда умер муж?

Эндрю обернулся, задумчиво прикрыл глаза.

– Хм... Десять лет, как Гарри... Да, тридцать с хвостиком. Дети были еще совсем маленькие.

– Печально, – вставил я. – Рак?

– Надпочечников, – ответила Бу. – Большая редкость. У него болел живот. Думали, аппендицит. К тому времени, как разобрались, пошли метастазы. Сгорел за три месяца. Но она такая сильная! Держалась ради детей!

В голосе Бу вместе с уважением сквозило самодовольство, словно, восхваляя Элис, она приобретает часть ее святости.

– Замечательная мать! – добавил Эндрю. – И высокопрофессиональный адвокат. Не хапуга, не акула бизнеса вроде меня. – Он помедлил, давая нам время мысленно ему возразить. – Работает в «Талбот энд компани». Слыхал? Юридическая консультация в Стоквелл, довольно известная. В основном представляет интересы беженцев.

– И жен, которых избивают мужья, – прибавила Бу.

– А еще – в разных объединениях. «Женщины против сексуального насилия», «Женщины за права женщин», «Женщины за права беженцев»... Всего не перечислишь.

– Это она начала кампанию «Найди Джесмин», – заявила Бу таким тоном, будто я обязан знать, о чем она, черт подери, говорит.

– Вы знакомы, – повторил Эндрю. – В ту ночь на Пиросе. Мы ужинали на пристани – и тут ты. Забыл?

– Я был не в лучшей форме, – осторожно отозвался я, опираясь на спинку стула.

– Да, старик, ты тогда немного перебрал. Нагрузился, скажем так.

Я шутливо почесал голову.

– Солнечный удар.

Эндрю щелкнул языком.

– Рецина!

Я бросил взгляд на Бу.

– С тех пор – ни капли! Терапия через отвращение.

На ее щеках заиграли глубокие ямочки. Поначалу я сбросил ее со счетов как высокомерную толстуху, а теперь, приглядевшись, обнаружил, что она вполне себе ничего, белокожая и голубоглазая. И выглядит сексуально: плечи широко расправлены, демонстрируя высокий бюст, короткие пухлые ноги обтянуты узкими джинсами, мыски развернуты, как у балерины.

Улыбнулся ей, избегая встречаться глазами с Эндрю.

– Дело прошлое, – произнес он.

Тина появилась в дверях, помахивая деревянной ложкой. Завитки жестких золотисто-каштановых волос выбились из-под банданы, щеки покраснелись.

– Ужин на столе!

Я первым вышел из комнаты и последовал за ней по коридору в огромную кремово-белую кухню. Пространство посередине разделял островок раковины, где Элис мыла листья

салата. С металлической шутовины, прикрепленной к потолку, свисали стальные сковородки. Огромные стеклянные двери вели в сад. Терраса за ними, кроме небольшой ее части, освещенной огнями кухни, тонула во мраке.

Подтянулись остальные. Мужской голос произнес:

– Больше всего беспокоит парковка...

Стол сверкающего красного дерева накрыли с исключительной пышностью. Эндрю принялся зажигать свечи длинной элегантной зажигалкой «Диптик». Щелк-щелк. Тина с клочком бумаги в руке указывала гостям, куда садиться, притворяясь, что не может разобрать собственный почерк.

Я встал у выделенного мне места, спиной к кухне и лицом к трем большим картинам на стене. Безобразная мазня, полуабстрактные морские пейзажи, яркие несочетающиеся цвета – бирюзовый, оранжевый, много белого. Совсем не мое. Предпочитаю обнаженную натуру.

– Художник – я, – пояснила Тина у меня за спиной. – Так что придержите колкости!

– Колкости? Боже упаси! Наоборот, так... динамично. Игра света замечательно передана.

– Это Греция. Пирос, где... где вы были. Вид из «Цирцеи». Ездим каждый год, благодаря Элис.

Элис, которая все еще возилась у раковины, при звуке своего имени подняла глаза и рассеянно улыбнулась.

– Все заканчивается, – продолжала Тина, поворачиваясь. – К сожалению.

– Что все? – встрял Эндрю, занимая место во главе стола.

– Пирос.

– Да, ужасно обидно. – Он повысил голос: – Бедняжка Элис! Конец эпохи, верно?

– Греция? – Она принесла дымящееся блюдо с таджиком. – Да. Аренда кончается, и собственник в январе написал, что продает землю. Недоноскам, которые построили «Делфинос». Хорошо, что хотя бы с домом у нас есть отсрочка! Но не с землей. Тина, Эндрю, вы же приедете летом? Повеселимся напоследок.

– Безусловно. – Эндрю встал, чтобы Тина протиснулась мимо его стула. – Иначе дети нас убьют. В буквальном смысле.

– Буквальном? – переспросил я.

– Отлично! – Элис села напротив него на другом конце. Театрально взмахнула салфеткой, кладя ее на колени. – Налетайте, народ!

Я перевел взгляд с нее на Эндрю и Тину, которая поместилась в середине стола. Можно подумать, хозяйка тут Элис. Как знать, вдруг это ее фирменный ягненок по-маррокански, а вовсе не Тинин... Я положил себе ложку и только потом сообразил, что надо бы сперва предложить соседям, Сьюзи и Иззи.

– Простите, ужасные манеры! Сразу видно, что учился в пансионе – за обедом свалка, каждый за себя...

– В пансионе? Каком? – поинтересовался лысеющий Иззи.

Я объяснил, где прошли годы становления моей личности. Он был удивлен. Школа славилась репутацией, а я вдобавок намекнул, что получал стипендию, – жил в корпусе стипендиатов. Тина подхватила тему:

– Какой молодец! Не только красавчик, а еще и умный!

– Случайно не знали Себастиана Поттера? – продолжал Иззи. – Вашего примерно возраста.

– Нет, – поспешно ответил я. – Имя, кажется, слышал. Наверное, старше меня года на два.

– Понятно, – отозвалась Тина. – Школа большая. – Она пожалала плечами, отчего вырез туники съехал ниже, а серьга с перьями запутались в волосах.

Разумеется, я знал Себастиана Поттера. Один из ублюдков, которые превращали мою жизнь в кошмар.

Сосредоточился на еде. Она того стоила: нотка флердоранжа в соусе, изумительно нежное мясо. Объединение! Не важно, кто готовил, Тина или Элис, ради одного этого стоило тащиться в такую даль!

Эндрю налил вина из стеклянного графина – надо думать, «Шатонёф-дю-Пап» две тысячи девятого года, как и было обещано. И тоже никаких претензий – летело мелкими пташками.

Беседа вращалась вокруг тоскливейших тем. Магазин пряжи «Великолепный клубок», планы по строительству велодрома, школа, куда у присутствующих ходят дети. В шестом классе новый классный руководитель, все скучают по

старому; физик явно не на высоте; дочь Бу не попала в программу герцога Эдинбургского – слишком много претендентов, и участники тянули жребий. Ужасно несправедливо! Как только муж Бу вернется из командировки, пойдет разбираться.

– А у вас есть дети? – осведомилась Сьюзи.

– Нет.

– Тогда вам, наверное, очень скучно нас слушать.

– Отнюдь.

– Будьте осторожны! – вставила Элис. – Наверняка набирается фраз для нового романа!

Очередной банальный комментарий. Я слышал его столько раз, что сбился со счета. Элис так и не сняла фартук, который, кроме муки, теперь был перепачкан еще и подливой. Зато подкрасила губы своей уродской помадой – на стакане остался розовый след.

Внезапно до дрожи в коленях захотелось курить. Я извинился, подошел к стеклянным дверям, повозился с замком и протиснулся наружу, осторожно прикрыв их за собой.

Длинная широкая лужайка, окаймленная кустарником, тонула во мраке. На другом конце темнели на фоне неба скелеты деревьев, а дальше – черная дыра футбольного поля. Терпкий жирный дух сырой земли.

Освещенный дом просматривался как на ладони: свечи на столе, блики столового серебра, – снаружи видны мельчайшие детали. Взрыв смеха, поскрипывание стульев. Визг Бу:

«О нет!»

Я вышел из поля их зрения. В траве поблескивала кованая металлическая скамья, скрытая от кухни кустарником. Примостился на краешке, чтобы не замочить брюки. Детская горка и батут с высокой черной сеткой возвышались, точно бриги со ссыльными преступниками у побережья Кента. Луна брызнула светом на траву и опять спряталась. Пролетел самолет – ветер принес его сердитый рев.

На сей раз я закурил без особых приключений. Пробирает холод – зря не захватил пиджак. Я прикидывал, как поскорей откланяться. Вечер удался, но теперь, когда поели, делать здесь больше нечего. Ни женщин, ни работы. Перспективой покараулить чей-то дом тоже не пахнет. Я глубоко вдохнул, наполняя никотином кровь.

Всплеск голосов, короткая, внезапно оборвавшаяся волна теплого воздуха. Обернулся. На террасе стояла Элис. Она сделала несколько шагов по лужайке, увидела меня и произнесла:

– Ку-ку!

Быстро поправила на затылке прядь, то ли подпернула, то ли пригладила – характерный для женщин трогательно-таинственный жест, как будто прическа приемлема только в одном раз и навсегда заданном виде. Неизменно умиляюсь, сам не знаю почему...

Еще шаг вперед.

– Хотела стрельнуть у вас сигарету. Если вы не против...

Как всегда в таких случаях мелькнула мысль: если куришь от случая к случаю – или сам покупай, или брось к черту!

– Конечно! – галантно отозвался я и сунул руку в карман.

Она примостилась рядом, опершись локтями о колени, и взяла протянутую сигарету. Я пошутил насчет женственности марки – ультра-ультралегкие «Силк Кат», – и она рассмеялась, хотя я всего-навсего отвлекал внимание от зажигалки, длинной и тонкой, той самой, что Эндрю забыл на столе. Убрал ее обратно в карман, поглаживая приятный на ощупь, черный матовый корпус.

Элис глубоко затянулась.

– Как хорошо! Вообще-то я не курю, только в компании. Теперь поддерживать эту привычку все труднее.

Начала разглагольствовать, как электронные сигареты ломают весь кайф и как стремительно редеют марки, обеспечивающие легкий дурман.

– Да, вейперу не скажешь «Оставь попарить», – поддержал я. – Если, конечно, не хочешь остаться с полным ртом чужих слюней с карамельным вкусом!

– Точно! – Она снова засмеялась, щуря по-кошачьи зеленые миндалевидные глаза под дугами бровей. – Как вы познакомились с Эндрю? Забыла спросить...

– В Тринити-колледже.

– Кембридж, ну конечно!.. Дружили?

– Не особенно. – Я сел поудобнее – черт с ним, что мокро! – и поднял голову к небу. – Немного общался с его сест-

рой.

– Ах да, Флорри...

– Знали ее?

– В школе – лучшие подруги. Так и сошлась с Эндрю – приезжала к ней в Кембридж. Собственно, мы с вами там тоже наверняка пересекались. – Элис улыбнулась. – Мне есть за что ее благодарить. Мы с Эндрю теперь закадычные друзья!

Закадычные друзья... Она тоненько и фальшиво рассмеялась. Из тех женщин, что могут изливать чувства и кокетничать, но правды от них не дождешься. Все важное утаивают, никогда не понять, что у них на сердце. И есть ли там вообще что-нибудь. В постели, кстати, тоже ноль.

Элис внимательно осмотрела сигарету, подняла глаза и лукаво спросила:

– Вы ведь меня не помните? Не помните ни Кембридж, ни Грецию...

– Смутно... – Я бросил сигарету и вдавил ее каблуком в траву, решив больше не ходить вокруг да около. – Послушайте, Элис, мне правда неловко, весь вечер не в своей тарелке. Не знаю, зачем Эндрю меня пригласил. Тогда в Греции я был пьян в доску. Сколько лет прошло? Восемь?

– Десять.

– Гордиться, конечно, нечем. Мы с друзьями поехали на морскую экскурсию, много пили. На берегу я их потерял, и корабль ушел без меня. А потом я наткнулся на Эндрю, и, к

счастьем, он мне помог. Но, говоря откровенно, подробности по сей день от меня ускользают.

– Рассказать, что помню я?

– Если очень хочется.

Она засмеялась.

– Вы ввалились в таверну, где мы ужинали, в футболке клуба «Зевс». Орали и хамили. Потом запели.

– Да что вы! – Я поморщился. Несколько успокаивало, что ей это казалось забавным. – «Зевс». Футболку помню. А пение... Пение никогда не было моим коньком.

– Эндрю поймал такси и слил вас. Так он сам выразился.

– Эндрю – джентльмен.

Из кухни донесся шум. Элис в последний раз посмотрела на сигарету и швырнула ее в клумбу. Потянула за ворот короткого фиолетового старушечьего кардигана. Лицо внезапно стало серьезным.

– Тот вечер я помню в мельчайших подробностях. Кошмарное время!

– Я слышал. Ваш муж...

– Дело не в Гарри. – Она покачала головой и издала короткий горький смешок. – Он умер годом раньше. Нет. Я о той ночи, когда пропала Джесмин.

Порывшись в мутных глубинах памяти, я вроде бы что-то нащупал – какие-то бессвязные обрывки и клочки воспоминаний, следы в никуда.

– Напомните.

Элис посерьезнела.

– Джесмин. Джесмин Хёрли. Вы там были. Бедная Ивонн, ее мать! Господи!.. – Она отпустила кофту и нетерпеливо помахала растопыренными ладонями. – Наверняка вы потом читали в газетах. Где вы жили? В Элунде? Полиция на Пиросе некудышная, но даже они там искали... В самом деле не помните?

Я потупился, неизменно смущаясь, когда меня уличали в недостаточной чувствительности. Ее рассказ кое-что прояснил: сбежавшая из дома девочка-подросток, ее подозрительный парень...

– Да-да, конечно. Помню. Трагедия!

Элис прижала пальцы к переносице. Я похлопал ее по плечу, надевая маску крайней озабоченности и удрученности. Теперь до смерти хотелось в дом. Не только из-за холода – я ощущал раздражение и ущербность. Смешение этих двух эмоций ни к чему хорошему не приводило.

Сквозь кустарник мигали огни кухни. Эндрю шел вдоль стола с поблескивающим графином в руке. В глубине Тина наклонилась у холодильника и что-то доставала. Десерт? Бу подняла руки, снимая свитер, и случайно подцепила блузку. Мелькнула голая кожа и бретелька бюстгалтера.

Тоненькое чириканье вернуло меня к Элис. Она вытерла глаза и выудила из переднего кармана джинсов мобильник.

– Фиби, моя старшая, просит, чтобы я заехала за ней на вечеринку. Обойдется автобусом – я перебрала.

Быстро набрала сообщение.

– Ей-богу, скоро восемнадцать, хватит держаться за мамину юбку... – Приподняла ногу, чтобы легче было засунуть телефон обратно. – Хотя что стану делать, когда она уедет, ума не приложу. Всякий раз, как вижу ее комнату, сердце сжимается!

Она съежилась и потеряла предплечье.

– Лучше вернуться в дом.

– Дайте-ка посмотреть телефон! – попросил я.

Элис пристально поглядела мне в глаза.

– Зачем?

– Ну дайте!

Слабая улыбка.

– Нет.

– С кроличьими ушками?

Я сделал вид, что хочу сунуть руку ей в карман. Она отскочила, хихикнув, а потом по-детски порывисто вытащила телефон и кинула мне на колени.

– Любуйтесь! Можете смеяться, сколько душе угодно!

Я перевернул его и спокойно произнес:

– Чехол айфона в виде синего кролика...

– Это подарок Фрэнка, моего сына!

– И вы, большая шишка, ходите с ним на работу, на все ваши важные встречи?

Она широко улыбнулась. Теперь я увидел, почему ее улыбка кривовата. От уголка губ вверх шла короткая мор-

щинистая стрелочка-шрамик.

Внезапно меня накрыло. Она не флиртowała. И вообще не мой тип, хотя бы потому, что старовата. В общем, не знаю, может, всему виной лифчик Бу или мысль о теплом бедре Элис под джинсами. Или плавная живость ее движений. А может, я уже тогда подсознательно ухватился за перспективу пустующей комнаты в уютном доме. Знаю одно: когда я увидел этот шрамик, внезапно захотелось коснуться его языком.

Глава 3

На следующее утро я позвонил Эндрю, чтобы узнать ее номер телефона. Если он и удивился, то виду не подал.

– Сейчас, погоди...

Сопение в трубке.

– Прости... вот болван... секундочку...

Добавил, что страдает «техническим идиотизмом» – никак не разберется, как перейти в «контакты», не прерывая разговор.

– Тина!..

И наконец:

– Ага, готово! Элис Маккензи. Рабочий, домашний, мобильный? Или все три?

– Мобильный, – отозвался я, вертя в руке елочный шар с его изгороди и ощущая пальцами то гладкий бок, то зернистость снежинки.

– Хорошо. – Он помедлил. – Позвонишь сейчас или после поездки?

– Какой поездки?

– По делам, в Нью-Йорк.

– А, ну да...

Эндрю снова замялся.

– Слушай, не сочти за наглость, но я должен предупредить... Эли хлебнула горя, смерть мужа ее страшно подко-

сила. Держится молодцом, и дети славные, но все равно ей тяжело. Она очень мне дорога. И Тине. Нам обоим. Не хочу, чтобы ей сделали больно или морочили голову... Ладно, хватит! Лекция окончена.

Найдется ли человек, который, выслушав этого чванливого лицемера, ответил бы: «Признаю, намерения у меня несерьезные. Спасибо, что вразумил! Лучше отойду в сторону»? Я хотел сказать: «Слушай, ты, козел, не указывай мне!» А вместо этого сыграл по сценарию. Мои заверения в честности помыслов были так убедительны, что я сам чуть не поверил в них.

Эндрю, как и ожидалось, продиктовал номер – медленно, точно каждую цифру вырывали у него клещами.

Договорились встретиться через десять дней, во вторник вечером. Станный выбор, но втиснуться в «сумасшедшее плотное» расписание Элис оказалось непросто: то ей надо в университет, то в суд, то на родительское собрание. Ожидание затянулось. Дни шли, и я начал остывать. К назначенному вечеру я уже и забыл, что вообще в ней нашел.

Однако свидание есть свидание, а галантность для меня – прежде всего. В те времена «Эндрю Эдмундс», укромный ресторанчик в Сохо, был моим излюбленным местом. Для таких встреч он подходил идеально: свечи на столах, претензия на художественность. Я с удовольствием думал, что такой выбор говорит кое-что и о моей персоне. Плюс мне дела-

ли там тридцатипроцентную скидку за то, что я подготовил дочку управляющего к выпускному экзамену по литературе. «Отелло». Сдала на отлично.

Я пришел рано и неприятно удивился, обнаружив, что Элис уже пьет вино и перебирает бумаги. Увидев меня, она запихала их в увесистый портфель вместе с большим пухлым настольным календарем в обложке из крокодиловой кожи, поспешно встала и протянула руку. На ней была темно-синяя юбка, застегнутая доверху белая блузка и черные сапоги до колена, без каблуков. Волосы забраны назад, не накрашена, если не считать небрежного мазка некрасивой розовой помады.

Извинилась за «офисный» вид. Весь день проторчала в суде: девочке из Конго через месяц исполнится восемнадцать, ей грозит депортация. Да, жутко вымоталась. Собственной дочери почти столько же, от этого еще тяжелее.

– Фиби? – спросил я. – Той, что скоро уедет?

– Да. В сентябре собирается в Лидс изучать филологию. Если поступит.

– Ах, только в сентябре...

– Время летит быстро. Боюсь даже думать, как я без нее...

– Можно сдать комнату...

– Вообще-то, ей нравится журналистика. Эндрю говорил, вы иногда пишете для газет?

– Верно. Если понадобится совет, помогу чем могу. С радостью!

– Спасибо, очень мило.

Заказали атлантическую сельдь и фирменную цесарку. Элис продолжала о детях: старшей, Фиби, и мальчишках (Луису шестнадцать, Фрэнку четырнадцать). Несколько раз упоминала мужа. «Фрэнк такой открытый, легкий, весь в Гарри». С Луисом труднее – сложный период, что, впрочем, объяснимо, «больше скучает по отцу». Вздохнула и средним пальцем вытерла припухший левый глаз. Глаз был сухой, а жест – наигранный или, по крайней мере, машинальный. Непроизвольное движение, оставшееся с тех времен, когда слезы на самом деле имели место быть. У меня снова, как тогда в саду, возникло ощущение, что даже якобы открывая сердце, она многое утаивает.

Мой стул находился у входа в кухню, и официант, сновавший из стороны в сторону, всякий раз его толкал. Мысли путались. Я раздражался, чувствовал себя не на высоте, колени нервно подергивались. Как только тарелки опустели, решил закруглиться, напоследок пригласив ее к себе на кофе, и невероятно удивился, когда она согласилась.

Мокрый тротуар глянцево блестел. А может, я выдумываю – почему-то кажется, что все эти события сопровождались дождем. Элис свистнула такси. Как положено, с гримасой, заложив два пальца в рот. Это меня неожиданно возбудило. Когда десять минут спустя мы остановились на моей улице, она настояла, что заплатит. Поднимаясь по лестнице с бьющейся о перила сумкой на плече, без обиняков заяви-

ла, что «очарована», а в дверях квартиры принялась восторгаться моим вкусом: «Чудесно! Чудесно!»

Я закурил и занялся кофе, слушая ее шаги в гостиной и по скрипу половиц точно определяя, у какой картины или книжного шкафа она остановилась.

– Птичка!

Черно-белая гравюра над камином.

– Техника сухой иглы, – отозвался я. – Кейт Боксер.

– Играете? – спросила она немного погодя, ковыряясь в нотах, которые Алекс стопкой сложил у дивана.

– С грехом пополам. Со школы не притрагивался.

Я быстро глотнул виски из моего неприкосновенного запаса, потом опять. Персефона терлась о ноги, и я налил ей блюдце молока. Не совсем понятно, что теперь. Это обо-льщение? Как оно вообще происходит у зрелых женщин? Предполагается нечто утонченное и неторопливое? Тогда о чем беспокоиться? Мне не пришло в голову честно сказать, что стиль жизни, который предполагала квартира, вовсе не мой. Не потому, что я смущался (хотя вполне мог бы: сорок два года, а за душой ничего, кроме нескольких мешков для мусора со старыми вещами на чердаке у матери). Я просто не видел смысла. Да, через неделю я съезжаю. И что с того?! Мы больше не встретимся.

Принес кофе. Элис сидела на диване, разглядывая кембриджскую фотографию в рамке. Фотография, разумеется, принадлежала Алексу, но, поскольку мы с ним познакоми-

лись в университете, вполне могла быть и моей.

– Извините, сняла со стены в уборной. Ищу вас...

Палец водил по молодым полнокровным спесивым лицам. Улыбнулась.

– А! Волосы длиннее... А где Эндрю?

Я наклонился ближе. Анемичное лицо, острый нос, постная мина.

– В переднем ряду посередине.

– Верно! Тоже волосы длинные.

– И густые...

– Фу, какой гадкий! – рассмеялась Элис и снова посмотрела на фото. – Не вижу Флорри. Она здесь?

– Нет, она поступила позже, я был курсе на третьем.

Элис положила фотографию рядом на диван и подняла глаза.

– Счастливое время?

Я замялся, соображая, о чем она.

– Да, вполне.

– Помню, думала про Кембридж, что университет – величественный и сами люди в нем либо великие, либо ничтожные. У нас в Бристоле можно было быть любым. А у вас – или одно, или другое.

Внутри у меня что-то дрогнуло.

– Может, вы и правы.

Элис глотнула капучино. Прядь волос упала на лицо, и в светлых волосах блеснула седина.

– А у вас? – спросил я. – Детство было счастливое?

Моя излюбленная наживка.

И сразу видно, из какого Элис теста: самоуничижительно пожала плечами и словно просияла – может с удовольствием говорить о себе часами. Выросла на севере Лондона, единственный ребенок адвоката и университетского преподавателя. Частная школа, Бристоль, где познакомилась с Гарри. Отполированная, беззаботная жизнь.

– Нелегко, когда у тебя все есть, правда? – Она показала на картины, мебель середины века, книжные полки. – Вам никогда не бывает совестно, что это досталось так просто, что родители поднесли нам все на блюдечке с золотой каемочкой?

У меня вновь сдавило в груди. Захотелось честно сказать, что было тяжело, что всю жизнь я пытался не повторять путь родителей, ненавидел их ничтожные устремления, готовность покорно смириться с посредственностью. Потом задумался о ее золотой каемочке. Насколько богата наша праведная леди Баунтифул? Что ей оставил Гарри? Большой ли у нее дом?

– Да, – глубокомысленно кивнул я. – По-моему, надо всегда об этом помнить и... стараться что-то дать миру.

Она тронула меня за руку.

– Знала, что вы поймете. Я потому и выбрала такую работу. Эндрю пилит меня, что не устроюсь, как он, в коммерческую компанию, но я бы там страдала. Я всегда защищала

жертв несправедливости, тех, кто не может сам за себя постоять.

Она покачала головой и снова глотнула кофе.

– Вы пишете книги. Тоже своего рода щедрость – надо выворачивать наизнанку душу.

– Да, без этого никак.

– Сейчас над чем-нибудь работаете?

Я предложил ей сигарету. Она отказалась. Закурил сам.

– В общем, да. Роман о Лондоне, иммигрантах, бездомных. О современном положении в стране, так сказать.

Сплошное вранье.

– У вас есть издатель? Не знаю этой кухни...

– Вроде того... – Я откинулся на спинку и сменил тему: – Эндрю говорил, вы много занимаетесь благотворительностью?

– В оргкомитетах разных проектов. Главный – «Найди Джесмин». Моя страсть. Эндрю тоже помогает. В каком-то смысле, средоточие всего, о чем я говорила. Джесмин не милая светловолосая малышка из обеспеченной семьи, как Мэдлин Макканн. Ей было четырнадцать. Но все равно еще ребенок. И заслуживала не меньше внимания со стороны полиции и СМИ. А никому и дела не было!

– Вы молодец, что восстановили справедливость, – произнес я с фальшивой заинтересованностью.

Она взяла со стола зажигалку и повертела в руках. В свете лампы на черном фоне блеснули серебряные буквы «Ди-

птик».

– Слышала, вы ужасный ловелас. Сама не знаю, что я здесь делаю...

Я опешил.

– Неправда.

– Что неправда?

– Не ловелас.

– Эндрю говорит, вы дурной человек.

– Да что вы! Надо же... Не понимаю, о чем это он...

– Плохо обходитесь с женщинами. Неуважительно.

– Так и сказал?

Под ее пристальным взглядом я изобразил сонную улыбку и добавил:

– Может, пока просто не встретил ту самую?

Она провела пальцем по краю кофейной чашки на колене, собирая пенку, и облизнула его – вспышка белого на розовом. Глаза смотрели на меня в упор. Заигрывает? Маловероятно. И все же я был странно польщен. (Коли так, несмотря на все сказанное, она меня хочет...)

– Мне пора, – произнесла она, не двигаясь с места.

Что я терял? Чуть подвинул ногу, едва заметно разворачивая плечи в ее сторону. Она быстро встала, накинула пальто, застегнула пуговицы, обернула тело ремнями сумки. Отстранилась.

У двери подъезда я неуклюже ее поцеловал. Не рассчитал с виски – мокрые губы угодили в уголок ее рта. Она упер-

лась ладонями мне в грудь. Я чувствовал их тепло сквозь рубашку. Влечение или сопротивление? Буквально сантиметр в сторону, палец, просунутый между пуговицами – и все стало бы понятно. Но я сомневался. Чувствовал, как напряжены ее локти, руки. И почти вздохнул с облегчением, когда она вырвалась.

К моему удивлению, на следующий день она позвонила. Собственно, услышав ее голос, я даже привстал, ища взглядом оброненную помаду или забытый шарф – какую-то причину неожиданного звонка. Говорила на ходу, судя по частому дыханию. Сказала что-то про «пометить в ежедневнике». Я представил, как она прислоняется к стене и вытаскивает из сумки огромный органайзер.

Оказалось, приглашает на чай. В субботу, если удобно. Фиби хочет «выведать» журналистские секреты. Может, подкину ей для тренировки какую-нибудь работенку.

Следовало бы отказаться. Вечер не удался. Но приглашение тешило самолюбие. К тому же скользнула ленивая мысль о Фиби. В общем, я согласился.

Глава 4

Она жила в Клапхеме, в небольшом высоком георгианском доме на достаточно оживленной улице. По соседству была настоящая помойка: входная дверь выкрашена в яркие растаманские полосы, в бурьяне торчит перевернутая магазинная тележка, из окна на втором этаже орет рэп. Дом Элис претендовал на своеобразную обшарпанную элегантность: серые облупившиеся перила с шишечками наверху, чугунные вазоны с жухлыми останками прошлогодней герани, пустая коробка «Риверфорд», ждущая, когда ее сменит свежая еженедельная партия экологически чистых овощей.

Дверь открыла девушка с маленьким овальным лицом в обрамлении длинных крашеных прядей. Коротенькие джинсовые шорты поверх черных колготок и огромных размеров вязаный кардиган. Завидев меня, она обернулась в сторону лестницы на второй этаж.

– Мам!.. – И, обращаясь ко мне, добавила: – Войдете?

Я проследовал за ней по коридору и спустился по ступенькам в кухню: плита фирмы «Ага», сосновый стол, склянки с приправами, запах выпечки, нарциссов и явная чесночная нотка. Полосатый кот при моем появлении вышел вон через специальную дверцу, а рыжий лабрадор на вельветовой подстилке потянулся, медленно поковылял в моем направлении, виляя хвостом, и ткнулся мордой мне в пах.

Я отстранился и сел за стол. В доме царила тишина, если не считать отдаленного шума телевизора и приглушенного уханья баса у соседей. Фиби стояла у плиты, теребя кольцо в носу. Она была ненамного младше Полли, моей последней пассии, но я чувствовал исходящее от нее презрение. Возможно, виной тому – моя кожаная куртка. Или кеды. (Я сильно сомневался насчет своих новых белых «конверсов».) Не то чтобы я особенно расстроился. Она мне тоже не приглянулась. В меру симпатичная, но волосы осветлены кое-как, а брови выщипаны в высокие тонкие дуги. Полубродяжка-полушлюха. Не мой типаж.

Я попытался завязать беседу:

– Ты Фиби? Едешь изучать филологию в Лидсе? Хороший факультет?

Она наклонила голову и ответила с неестественной вежливостью:

– Надеюсь. Так я слышала. – Говорила она медленно, точно с пожилым родственником, и в конце каждого предложения закрывала рот, будто проглатывая слова. – Пока туда не добралась.

Пес все еще тыкался мне в брюки. Я отпихивал его коленом.

– Ну, времени предостаточно.

– Мама сказала, вы учились в Кембридже с дядей Эндрю. Они вспоминали вчера вечером.

«Дядя Эндрю»? «Вчера вечером»? Мне стало не по себе.

– А где она?

Фиби подошла к лестнице.

– Мам!.. Мам!!! Он пришел!

Мгновение тишины, а потом отдаленный возглас и приглушенные тяжелые шаги.

– Уже? Что ж ты не сказала! Луис, выключи ради бога телевизор!

Последние гулкие шаги по ступенькам, и в кухню ворвалась Элис. Узкие штаны, серебристо-серая спортивная куртка на молнии и карамельные угги. В ушах сережки, как крошечные многоярусные люстры. Волосы рассыпаны по плечам.

– Пол! Спасибо, что выбрался!

Вся движение и свет. Стремительно подошла и отпихнула пса.

– Дэннис, фу! Не приставай к человеку! – Поцеловала меня в обе щеки. – Фиби, ты поблагодарила Пола за то, что он пришел?

– Угу.

– Ну, тогда сделаю чай! А вы пока поболтайте!

Мы с Фиби переглянулись. Оба явно считали, что уже достаточно поболтали. Под ложечкой похолодело от страха, что меня вот-вот выведут на чистую воду. Я скрыл смущение, с важным видом допекая Фиби расспросами о планах в журналистике, и толкнул короткую и значительно более искреннюю речь о закате газетной индустрии и конкуренции

на рынке труда.

Элис вытерла руки о полотенце.

– Фиби хотела постажироваться после выпускных в школе. Да, Фиб?

– Да, хотела бы, – отозвалась та, все так же нарочито четко выговаривая слова. – Вы можете?

– Постажироваться где?

– В журналах, например. Может, в «Нью стейтсмен», раз меня интересует политика. Или «Вог»... Мама сказала, у вас есть связи. Говорят, без них никуда...

– Я подумаю, – спокойно ответил я.

Она плотнее закуталась в кофту.

– Или на ТВ... Знаете кого-нибудь?

Я удивленно раскрыл глаза.

– Не то чтобы...

Ее телефон затрубил, как охотничий рог.

– Мам, можно я к Долли?

– Ладно, только в двенадцать чтобы как штык дома.

Фиби встала и бросила через плечо:

– До свидания. Спасибо.

В дырку на черных колготках проглядывала голубоватая, точно синяк, кожа.

– Не за что.

Элис поправила на стене большой коллаж в рамке. Черно-белые, цветные и коричневые фото: улыбки до ушей, смешные костюмы, отдых на экзотических курортах. Хвост-

ливое свидетельство счастливой семейной жизни. В центре красовался пляжный снимок мужчины с карапузом на колене. Загорелые руки, летняя щетина, прищуренные от солнца глаза. Гарри. Красивый и мужественный. Запечатлен в центре своего мира лыжных курортов, яхт со шкиперами, шампанского, светловолосых голов и часов «Ролекс». Меня всю жизнь бесили такие, как он. Бесило, что у них все это есть. Я ощутил резкую вспышку зависти и обиды, которая тут же сменилась мыслью более приятной: Гарри мертв, а я жив и сижу в его кухне.

Элис отошла от фотографии и рассеянно прибиралась, словно забыв про меня. Сверху донесся какой-то грохот. Мальчишеский голос крикнул:

– Мам! Я ушел!

Она недовольно закатила глаза.

– Это который? – поинтересовался я.

– Луис. Фрэнк у приятеля. – Подошла к лестнице. – Куртку возьми, там дождь!

Тяжелые шаги. Хлопок входной двери.

– А про чай-то я забыла... – Элис посмотрела на часы. – Да ну его! Может, вина?

– Не откажусь.

Она достала из шкафчика бутылку мерло и открыла ее штопором, для удобства зажав между коленей, – вышло, кстати, даже сексуально.

– Кури, не стесняйся!

Протянула мне треснутое блюдо и распахнула окно над раковиной. Моросил дождь. От сигареты отказалась и сидела, едва заметно прикрывая от дыма нос и рот. Немного погодя Элис начала перебирать бумаги, рассеянно покусывая губу. Я спросил, что это. Оказалось, листовки для благотворительного ужина по сбору средств на кампанию «Найди Джесмин». Добавила высоким напряженным голосом, что в этом году исполняется десять лет и нужны деньги на «следующую фазу». Ивонн, мать Джесмин, приедет из Шеффилда, и надо, чтобы все прошло без сучка без задоринки.

Протянула листовку. С лицевой стороны на меня смотрела юная Джесмин с цветастой банданой на голове, прижимающая к щеке рыжего котенка. Рядом – рисунок взрослой Джесмин, как она могла бы выглядеть сейчас. Элис говорила, а я разглядывал. Симпатичная двадцатитрехлетняя девушка, высокий лоб, узкое лицо, голубые глаза и большой рот. Закралась крамольная мысль: не преувеличивают ли создатели таких реконструкций из сострадания миловидность пропавших?

Вслух я этого, разумеется, не сказал.

– Бедняжка!

Медленно кивнул, симулируя полное сострадания и скорби сердце.

Элис откинулась на стуле и сделала первый большой глоток. Изящно промокнула уголки губ.

Я поболтал вино, глядя, как оно завинчивается и опадает,

точно складки пунцового бархата.

– Ты правда считаешь, что она жива?

Элис посмотрела на меня в упор.

– Да, я считаю, она жива.

Я порылся в памяти, собирая в кучу подробности.

– Но приятель матери... Они, кажется, ссорились?.. Полиция...

– Полиция ошибалась. С него сняли подозрения. Просто абсурд! Столько времени из-за этого потеряно... Да, у Карла и Джесмин отношения складывались непросто. Она ревновала его к матери. А он – несдержанный на язык, горячий, недостаточно зрелый, чтобы вести себя по-взрослому в такой ситуации. Они тем вечером поскандалили, верно. Но ты бы видел, как он горевал и как поддерживал Ивонн последние десять лет! Нет, он не убивал! – Решительно несколько раз качнула головой. – Нет.

– А что отец Джесмин?

– Бросил Ивонн на сносках.

– Другие подозреваемые?

– Их не было. – Снова покачала головой, звякнув сережками. – Свидетели вспоминали, что вокруг дома околачивались подозрительные типы, но ничего конкретного. Мигранты из Албании...

Она сделала глоток и, сердито поджав губы, поставила бокал. Вино колыхнулось.

– Тело не нашли – существенная деталь, потому что ост-

ров маленький. Прочесали береговую линию и холмы. В ту ночь не ходили паромы, а утром в порту уже дежурила полиция. Все ее искали. Приливов там не бывает. Так что нет, она жива. Я чувствую.

– Значит, сбежала?

– Возможно. Или ее похитили. С целью незаконного удочерения, например. Там орудуют банды. А Пирос совсем рядом с Албанией, только пересечь пролив...

– Украсть подростка! Ты говорила, четырнадцать? Не многовато ли?

– Да, наверное... Есть еще вариант проституции. Одна из причин скандалов с Ивонн и Карлом – то, что Джесмин все время где-то пропадала с местным парнем. Он так и не явился в полицию. Долгое время мы рассматривали версию, что ее увезли в Афины. Думать об этом невыносимо! В общем, не успокоюсь, пока не выясню! Знаю, избитая фраза, но если ты когда-нибудь видел мать, потерявшую ребенка... Боль просто невыносимая! Ее ничто не лечит!

– А если она сбежала по своей воле?

– На западе острова есть поселение хиппи, старое, еще с семидесятых. Немцы, скандинавы, немного британцев. Их по-прежнему много, хотя в пещерах, конечно, больше не живут. Периодически появляются в туристических центрах. Я всегда считала, что они как-то замешаны. Возможно, она с ними. Со слов Ивонн, Джесмин была девушкой простой, но немного странноватой. Есть версия – вполне правдоподоб-

ная, – что она действительно сбежала к ним и либо потеряла память, либо ей промыли мозги. Накачали наркотиками.

– Полиция не проверяла?

– Слишком поздно, понимаешь?

Я не понимал, и мне было все равно. Разговор наскучил. Воспоминания о покойнице – в том, что девушка мертва, я ничуть не сомневался – были Элис не к лицу. Я предпочел бы возбуждающе активную бизнесвумен, как во время нашего ужина, с ее депортациями и судебными слушаниями. Или домашнюю богиню в перепачканном фартуке, как дома у Эндрю. Вспомнился смех, который я слышал в саду, – девчоночий, звенящий, с грязноватым обертоном – и то, как она облизала палец с пенкой капучино. Я прекрасно понимал, что жизнь дает нам роли, однако уже насытился ее праведностью и больше не хотел чувствовать себя виноватым, выслушивая горестную повесть. Вино было хорошим – мягкое, с фруктовой ноткой, точно теплая кровь во рту. Выпью еще бокал и, если ветер не переменится, отправлюсь восвояси.

– Ну ладно, – произнесла она и криво улыбнулась. – Давай о чем-нибудь приятном! Ты не за тем пришел в такую даль.

Я остался на весь вечер.

Элис извлекла откуда-то еще бутылку и, проворно двигаясь по кухне, открывая шкафчики и смешивая продукты, приготовила макароны с домашним песто и салат с помидорами, огурцами и сыром фета. Греческий, собственно говоря, «хотя в Греции, конечно, его делают в миллион раз вкус-

нее». При этом она производила вокруг себя чудовищный беспорядок: огуречная кожура свисала с грязного комбайна, на плите красовалось пятно оливкового масла, белая целлофановая упаковка из-под сыра забытая валялась на полу. Не обращая внимания на этот хаос, Элис без умолку говорила о Пиресе. Детям нравилось там, когда были помладше, а теперь у них в Лондоне насыщенная жизнь, и ее нужно поддерживать, поэтому им уже не так интересно. Может, и хорошо, что это лето последнее.

– Все когда-нибудь кончается, – сказала она, нарезаая томаты и неожиданно замирая с ножом в руке. Поглядела в приоткрытое окно на мокрый сад. – Как ни сопротивляйся...

Снова взялась за помидоры и добавила, точно спохватившись:

– Приезжай к нам, если нет других планов на лето.

Когда еда была готова, Элис предложила подняться с тарелками наверх, к огню. Гостиная оказалась мягкой и уютной, с разнокалиберными диванчиками, мохеровыми покрывалами, тяжелыми бархатными занавесками и вытертыми турецкими коврами. В нишах помещались книжные шкафы. Перед телевизором лежало вельветовое кресло-мешок, на полу валялись наушники и игровые приставки. Камин был настоящим и, когда она подбросила в тлеющие угли полено, приятно успокаивал своим теплом. Полосатый кот свернулся на гобеленовой подушке и на сей раз позволил себя гладить. Элис задернула занавески. На мгновение ее лицо отра-

зилось в бокале отблеском света, и мне вспомнилась сцена из «На маяк», когда миссис Рэмзи раскладывает по тарелкам тушеное мясо и чувствует, что все связано, непрерываемо и прочно.

Элис сидела на полу, поставив тарелку на кофейный столик, а я устроился на диване и неловко наклонялся вниз. Доел макароны, подобрал остатки зернистого зеленого соуса ломтиком хлеба, встал и подошел к книжным шкафам. Элис рассказывала о мусульманке из Бекслихита, которая, не выдержав многолетних издевательств мужа, заколола его насмерть кухонными ножницами. Признаться, стало не по себе.

На нижних полках помещались бестселлеры, триллеры, несколько томов из серии о Хорнблауре. А вот наверху выстроилась оранжево-зеленая классика издательства «Пингвин» (Сименон, Найо Марш, Джордж Оруэлл, «Великий Гэтсби») и несколько книг в твердом переплете и ярких суперобложках. Глаз зацепился за характерный черный с желтым корешок, и я вытянул «Досье на Рэйчел» Мартина Эмиса. Открыл. Семьдесят третий год. Первое издание!

– Господи! – выдохнул я.

– Гарри обожал Мартина Эмиса, – произнесла она, пристально в меня вглядываясь. – Я смотрю, он популярен среди мальчиков из частных школ. Секс, деньги и щедрая порция ненависти к самому себе.

– Будем считать, я этого не слышал.

Я опустился на диван. Кот скользнул с подушки и ткнулся мне в ногу, изъясняя желание взобраться на колени. Я приподнял книгу повыше и благоговейно полистал страницы.

– Чудик, – произнесла Элис. – В смысле, кота так зовут...

Я боялся дышать – как бы не порвать такое сокровище.

– С автографом!

Элис вздохнула.

– Наверное, отхватил на ибэй. Гарри был склонен к экстравагантным поступкам. Что да, то да...

Ее интонация заставила меня осторожно отложить книгу. Элис глядела куда-то в пространство.

– Возьми, – произнесла она. – Дарю!

Я сделал вид, что не слышу.

– Скучаешь по нему?

Она кивнула.

– Уже и забыла, как это, когда тебя обнимают...

Повисла неловкая тишина. За окном стемнело. В стекло с шумом хлестнул дождь, словно кинули горсть мелких камушков.

Элис покачала головой и засмеялась.

– В смысле, как он обнимает. Забыла, как это, когда он обнимает... Я не монашка.

Уставилась на ковер. Через несколько минут я легонько спихнул кота с коленей и совершил худшую ошибку в своей жизни: расстегнул донизу ее серебристую спортивную куртку, раздвинул неприятный на ощупь нейлон, обнажая грудь,

на которой, как ни странно, не было лифчика, и притянул Элис к себе.

Глава 5

Неделю спустя я переехал к матери. Не могу избавиться от мысли, что, не сделай я этого, все обернулось бы иначе.

Маленький домик, раньше принадлежавший железной дороге, с годами почти не изменился. Тот же вытертый ковер, невыветривающийся запах капусты и перестук поездов. Конечно, не было отца – сердечный приступ во время пасторского попечения в «Уондсуэрт», где он служил тюремным капелланом. И мать немного модернизировала мою комнатушку: сосновая полка с хиленькими кронштейнами, «для твоих книжек», новая лампа из «Британского дома» (тадам!) и над узкой кроватью, в рамочке, – ксерокопия статьи о «Примечаниях» из Литературного приложения «Таймс». Бумага за стеклом пожелтела от старости. Дома мне всегда не хватало воздуха. Давил груз родительских надежд, их тягостная радость от моего успеха и собственное крепнущее чувство провала. Теперь же атмосфера накалилась еще больше – настороженно-веселое лицо матери и мое ощущение, что я вот-вот задохнусь. Она разогревала ребрышки барашка, «такие вкусненькие», и болтала без умолку: отнесла в магазин бракованный чайник, и ее обслужила чудесная девушка, «черная, но безупречно вежливая»; умничка Дженни из церкви вызвалась в следующем месяце провести у себя встречу «Женского института», «какое облегчение, а то бо-

лит колено». Мне стало очевидно, что надо срочно принимать меры.

— Эти твои мешки на чердаке... — Она хлопотала над яблочным крамблом из магазина, с магазинным же заварным кремом. — Думала принести их вниз.

— Оставь, пусть лежат.

— Если тебе некогда, могу сама перебрать.

— Нет! — отрезал я. — Не трогай!

В тот вечер мы сидели в большой комнате и смотрели скверный сериал («одна из моих передач»). Я просматривал телефонную книжку. Раньше всегда находился выход — коллеге или однокурснику требовалось постеречь квартиру, я оказывался по-прежнему нужен какой-нибудь девушке, или руку помощи протягивали чьи-то щедрые родители, которых я заблаговременно очаровал. В самом крайнем случае выручал Майкл, но теперь его свободную комнату заняли двойняшки. Впервые за пятнадцать лет я чувствовал себя в западне, лицом к лицу со своими демонами.

До этого момента я совершенно не думал об Элис. Одной ночи вполне хватило, чтобы удовлетворить мою тягу к ней, чем бы она ни была вызвана. Но когда мыльная опера закончилась и мать переключилась на канал, где шел детектив пятидесятых годов, я стал всерьез рассматривать этот вариант. Секс был достаточно приятным, дом — теплым и удобным. Она подарила мне книгу. (На Чаринг-Кросс-роуд за нее отвалили пятьсот фунтов. Если бы не след от стакана на задней

обложке, могло быть и больше.) В скором времени ее дочь съедет и освободится место.

Во время рекламы я сбежал на кухню под предлогом, что хочу заварить чай. Элис ответила и, кажется, обрадовалась моему звонку. Договорились на следующей неделе посидеть в модном бистро в Клапхеме.

Наше первое настоящее свидание ударило по карману (она настояла на «ужине-дегустации»), но я решил рассматривать его как выгодное вложение средств. Я за ней приударил. Приударил всерьез. Вычислил наиболее подходящую тактику, определил, на какие кнопки нажать, и нажимал. То, как она говорила о моей дурной репутации у Эндрю, по всем статьям тянуло на сексуальное возбуждение. Ее, как многих женщин, явно заводили подонки. Помимо этого, она недвусмысленно дала понять, что любит униженных и верит в доброту человеческого духа. Во время первого ужина я поведал ей душещипательную историю о девушке, которая в колледже разбила мне сердце («Нет, не Флорри»), моей боязни снова быть отвергнутым и, естественно, страхе перед ответственностью. Мы благопристойно попрощались на улице, а на следующее утро я отправил ей цветы с тщательно продуманной открыткой («Спасибо, что ты не такая, как все») и закидал ее сообщениями, в которых становилось все больше флирта. («Вечер был чудесным...», «Весь день о тебе думаю...», «Миссис Маккензи, понимаете ли вы, что со мной сделали?...», «Когда же мы будем грешить?»)

Потребовалось две недели и еще два свидания, прежде чем она наконец сдалась и вняла моим мольбам. За это время я убедил ее, что она стала не только моей страстью, но и музой. Признался, что до встречи с ней почти бросил писать, а теперь, впервые за долгие годы, ощутил себя во власти подлинных эмоций. Каждый день трудился в Лондонской библиотеке, заканчивая работу над романом, который в издательских кругах ожидают с замиранием сердца. Я сыпал избитыми фразами и смотрел, как она заглатывает наживку, приписывая себе заслугу по моему творческому и эмоциональному возрождению.

Чтобы поддерживать легенду, пришлось порядком изворачиваться. Элис понятия не имела, что я съехал с Ламбс-Кондит-стрит. Или что неувязочка с кредитором – солидный должок в баре – заставила меня избегать Сохо. Да и бесплатного читательского абонемена в библиотеку у меня больше не было – Алекс вернулся и его реквизирует. Теперь я целыми днями простаивал у книжных разделов в благотворительных магазинах или пил чай в «Пышечке», дешевом кафе в конце Шин-лейн. Заметая следы, взял за правило встречаться с Элис исключительно в Клапхеме, подавая это как предупредительность: чтобы у нее было время заскочить домой и привести себя в порядок или проверить, как «движется у Фиби подготовка к выпускным» (даже вызубрил на зубок ее излюбленные словечки). Заявил, что ничуть не возражаю против ужинов дома.

– Ты само понимание! – хвалила Элис, наспех стряпая спагетти путтанеска или курицу по-итальянски (готовила она потрясающе). – Не хочу каждый вечер оставлять детей.

На самом же деле, хотя мне вскоре прискучило пялиться на кислые лица подростков за столом, я приходил в восторг, что не надо тратить деньги. Ухаживать за женщиной ее уровня оказалось недешево. Например, был скользкий момент, когда она решила, что я пойду с ней на благотворительный ужин «Найди Джесмин», по девяносто фунтов с носа. Чтобы открутиться, наплел про день рождения крестника.

Сначала моей целью была освобождающаяся комната – к сентябрю я надеялся достаточно сблизиться с Элис (этакий близкий друг с привилегиями), чтобы переезд туда казался естественным, само собой разумеющимся шагом. Но уже в первые недели наших отношений стало вырисовываться нечто более прочное. Я представлял себя если не мужем, то во всяком случае хозяином дома. Хозяином ее двуспального пухового одеяла, ванны на декоративных львиных лапах, забитого до отказа холодильника и кота. Я рассеянно размышлял о страховке Гарри. Ее отпрыски, конечно, были ложкой дегтя – потная и неуклюжая помесь ворчания и гормонов. Однако в целом идея была не лишена приятности. Я не влюбился в Элис. Я оценивал ее объективно, замечал приметы возраста: резкие морщины на лбу, гусиные лапки вокруг глаз. Мое чувство сложно описать. Возможно, к ней тянулся скорее ум, чем тело. Меня влекла ее кипучая энер-

гия, уверенность в себе, способность разобраться в самых запутанных стратегиях и проблемах. Когда она отвечала на звонок коллеги по работе или какой-нибудь инициативной группы («Женщины против того», «Юристы против сего»), я возбуждался, просто слушая ее голос. От одного профессионализма этой женщины у меня перехватывало дыхание.

Распался я и еще по одной причине – более тонкой, связанной с некоторой недоступностью Элис. Даже в постели не покидало ощущение, что она не открывается мне полностью. Она вроде бы на самом деле мной интересовалась: искренне расспрашивала о моем *«oeuvre»*², смеялась над шутками, по моей просьбе раздевалась, обнажая бледную полупрозрачную кожу с милыми растяжками на животе и густой растительностью лобка. Чего она не делала, несмотря ни на какие мои старания, так это не испытывала оргазма. Моя *amour propre*³ была прострелена навывлет. Когда, выбросив презерватив, я возвращался в постель, она удовлетворенно вздыхала и утыкалась лицом мне в шею. Однажды я решил отказаться от «амуниции». Подпер подбородок руками и внимательно посмотрел в ее полуприкрытые, как месяц, глаза.

– Твоя очередь, – произнес я, готовясь опуститься вниз. – На этот раз не отвертись!

Она выскользнула из-под меня, повернулась на бок, потянула одеяло и, горбясь, спустила ноги с кровати. Накинула

---

² Сочинения (*фр.*).

³ Гордость (*фр.*).

на плечи поношенный вафельный халат.

– Я больше не кончаю, – сказала она ровно. – Не то чтобы мне не нравилось – еще как! – но я не кончаю.

– Может, тебе будет легче и... приятней, если перейти на таблетки?

Она покачала головой.

– Наверное, дело в чувстве вины.

– Гарри... – сказал я и закрыл глаза. – Конечно. Бедная моя!

Принялся осыпать ей шею поцелуями. Она со смехом вырвалась. В спальне – неряшливой комнате, где в беспорядке валялись одежда, украшения, китайские фонарики и пыльные свечи – имелась своя ванная, куда и ушла Элис. Я слышал, как она мочится. Откинулся на подушки, руки над головой, расправил грудь и постарался отмахнуться от невеселых мыслей. По-моему, даже сказал: «Мне же лучше». И все-таки я думал о Гарри, большом сильном покойнике в чаше ее постели. Внутри меня крепла твердая решимость, клятва, что в скором времени Элис будет не просто моей, а моей целиком.

Хотя дом на Пиресе не упоминался с нашей первой ночи, ее расплывчатое предложение я не забыл. Мысль о том, что я проведу с ней лето, медленно переворачивалась в подсознании. По возвращении в Клапхем Элис сама предложит жить вместе. Таким образом, Греция была важной частью моей завоевательной кампании.

Впервые уверенность моя поколебалась после очередной встречи с Эндрю.

Я прекрасно понимал, что Элис проводит с ним много времени. Как профессионально, так и дружески. (Именно он в конце концов пошел с ней на благотворительный ужин «Найди Джесмин».) Я не пересекался с ним довольно долго, однако всегда с досадой чувствовал его присутствие. Как-то в субботу обнаружил на спинке стула шарф на шелковой подкладке. «Эндрю забыл», – объяснила Элис. В другой день он оставил для нее на кухонном столе конверт с бумагами на подпись. Пару раз мне почудился запах его лосьона после бритья «Вест индиан лаймз».

Мне все это не нравилось. Он представлял собой угрозу, и рано или поздно придется что-то предпринять.

Увидел я его снова в начале апреля. Мы с Элис провалялись с самого обеда в постели за бутылкой вина и кроссвордом из «Гардиан». Составитель кроссвордов построил его вокруг «Под сенью Молочного леса» в связи с юбилеем пьесы. Элис игриво восторгалась моим знанием текста и персонажей: Лили Смолз, капитан Кэт, Ноугуд Бойо и так далее. Я начал рисоваться.

– «Ляг со мной, ляг скорей. Челн мой утонет меж бедер твоих», – процитировал я.

Элис, однако, порядком выпив, продолжала дурачиться.

– Ты мой ноугуд бойо⁴, – повторяла она, ухохатываясь. –

---

⁴ Никчемный парень (англ.).

Так ведь? Мой ноугуд бойо!

Сначала я не обиделся и поцеловал ее. Но Элис не унималась, и стало казаться, что она все-таки смеется надо мной («мой соверше-е-енно ноугу-у-уд бойо-о-о!»). Меня бросило в жар, зачесалась кожа. Я встал, обиженно шурша одеялом, натянул трусы и только тут вспомнил, что идти мне некуда. Злясь еще больше, пошарил в карманах брошенных на пол джинсов в поисках сигарет, подошел к окну и резко поднял раму.

– Вернись, утони меж бедер моих! – проворковала Элис. Притворялась, будто не замечает, что я сержусь.

Я сел на подоконнике и закурил, прикрывая наготу от улицы занавеской. Посмотрел вниз. Вишня утопала в крупных гроздьях белых цветов. Заходящее солнце золотило кирпичи и скользило по стеклам домов напротив. Магази́нная тележка в соседском саду исчезла. Помню, я задумался, забрал ли ее мусоровоз или она развалилась на части и не видна в траве. Представил муравьев, которые ползают по ржавым железкам в зарослях ежевики. Задался вопросом, может ли вообще что-то исчезнуть без остатка. Несколько раз глубоко затынулся, глядя, как на конце сигареты растет непрочный столбик пепла. Стряхнул.

Крошечные серебристо-белые ромбики пепла парили в воздухе. Снизу долетели голоса, стукнула калитка. Перед домом собралась компания. Я спрыгнул с подоконника и осторожно выглянул. Вид закрывало крыльцо. В недрах дома за-

трезвонил дверной звонок.

– Пришел кто-то.

– Ах да! – Элис натянула на себя зеленый удлиненный свитер, в котором ходила, прежде чем я ее раздел. Сунула босые ноги в замшевые полусапожки и трянула головой вперед-назад – ее экспресс-метод приведения прически в порядок. – Эндрю, Тина и их головорезы. Пришли на ужин. Мы думали заказать что-нибудь из индийского ресторана.

Задержалась в дверях, склонила голову набок и улыбнулась абсолютно трезвой улыбкой.

– Ты с нами?

Я не ответил, и Элис вышла. Секунду я постоял в растерянности, чувствуя, что меня обвели вокруг пальца. Она не знакомила меня с другими своими друзьями, мы все время проводили только вдвоем. Почему не предупредила, что ожидаются гости?

Ее голос сплетался в отдалении с голосом Эндрю. Раздался смех Тины, скрипнула дверь гостиной. Кто-то спустился в кухню.

Я натянул штаны. Мятая рубашка валялась под кроватью. Платяной шкаф Элис был открыт. В нем до сих пор висели кое-какие вещи Гарри. Я их как-то уже просматривал и прикарманил пару приглянувшихся галстуков. Теперь снова прошелся по вешалкам и выбрал симпатичную бледно-розовую рубашку с едва заметным рельефным узором. «Чарльз Тервитт» – значилось на ярлыке. Ворот великоват, но сой-

дет. Я медленно застегнул пуговицы.

Первой меня увидела Тина. Она стояла, прислонившись к плите, лицом к двери. Ее глаза расширились от удивления и удовольствия – теперь часто вспоминаю тот момент. Взглянула на Эндрю, и ее выражение стало более осторожным.

– Пол! – произнесла она.

Эндрю сидел за столом спиной ко мне. Его голова моментально повернулась. За долю секунды я заметил, как он смотрит на рубашку и мои босые ноги, как осознает, что я сплю с Элис, что могу делать с ней то, чего он не может (это вам не деловая встреча или совместный перекус на бегу).

Он хотел встать, но зацепился за стул. Чертыхнулся и, потирая голень, комично запрыгал ко мне на одной ноге, чтобы скрыть смущение за дурачеством. Воскликнул нарочито добродушно:

– Старина! Откуда ты взялся?

– Я был наверху.

– Рад встрече!

Я пожал ему руку, не пытаясь сдержать улыбку.

– Давно не виделись.

– Это да! И вдруг – раз! Элис, ну ты темная лошадка!..

Надо же, как жизнь поворачивается!

Элис доставала из холодильника упаковку колы.

– Не валяй дурака, Эндрю! – раздраженно произнесла она, закрывая локтем дверцу. – Мы все здесь взрослые люди. – Потом заметила рубашку и вспыхнула. – О!..

– Можно? Моя совсем мятая.

Она кивнула и отвернулась.

В саду длинный худой подросток сбивал палкой голову тюльпана. Коротко, по-мальчишечьи стриженная девушка лет семнадцати, в мешковатых джинсах и «сникерах», сидела на старых гнилых качелях, подвешенных на яблоне, шаркая ногами по траве и закручиваясь вокруг своей оси.

Тина, одетая весьма необычно (широкое черное льняное платье, смахивающее на рабочий халат печального художника) проследила мой взгляд.

– Наши дети. – Поправила волосы, скрепленные сзади черепашковой заколкой. – Дейзи и Арчи.

– Пол, позови, пожалуйста, мою банду! – попросила Элис.

Я был доволен поручением. Пусть Эндрю видит, что я тут свой.

Взбежал по лестнице, крикнул мальчишкам идти вниз и поднялся еще выше, к чердачной комнате дочери Элис. Уже собирался распахнуть приоткрытую дверь, но увидел в щелку Фиби на кровати и притормозил, вытянув шею. Она лежала на животе с ноутбуком, болтая босыми ногами в воздухе. Круглый подтянутый зад, полоска белой кожи на поясице, где задралась футболка...

Я думал, что меня не слышно, однако секунду спустя она произнесла:

– Иду.

Заметила. И дает понять, что не дура.

Надо с ней поосторожнее.

В кухне Элис выудила из ящика меню, и Эндрю записывал пожелания собравшихся. Дэннис совал во все свой нос, и Эндрю пару раз неприязненно его отпихнул. Значит, не собачник. (Я засуетился вокруг пса, показывая, как сильно люблю животных.) Элис, видимо, чувствовала себя неловко. Все время смеялась и перекладывала предметы: перечницу, газету... Обняла Фрэнка и положила руку ему на грудь, словно защищая. Любопытно. Это она из-за меня так нервничает? Нужно ввести предмет своей новой страсти в круг друзей? Наверное. Без конца давала мне поручения: собрать вилки и ложки, найти в холодильнике пиво, отыскать там маринованные лаймы, манговый чатни⁵ и конфитюр из острого перца (чего только у этой женщины не было!). Я всю дорогу чувствовал на себе взгляд Эндрю.

– Как *oeuvre*? – спросил он.

Так часто говорила Элис.

– Потихоньку.

– Не скромничай! – Элис бросила накрывать стол и обняла меня, почти как Фрэнка. От нее пахло пивом. – Пол каждый день работает в библиотеке, дело идет полным ходом. Агент ждет не дождется!

Я улыбнулся. Тина сказала, какой я умница. Элис отпустила меня, и Эндрю заговорил о предстоящей встрече какого-то комитета по «пересмотру дел и возобновлению про-

---

⁵ Чатни – традиционные индийские соусы.

изводства».

Я выглянул в окно. Девчонки, Фиби и Дейзи, сидели на садовых стульях рядом с кухонной дверью. Дочь Эндрю закинула ногу на ногу и оперлась локтем о колено. Французская беззаботность. Было в ней что-то угловатое и дерзкое. Кого-то она напоминала... Свободный шерстяной джемпер съехал с плеча, обнажив бирюзовую лямку лифчика и бледный треугольничек кожи – исключительно сексуальное сочетание.

Сели за стол. Я оказался рядом с Луисом, наименее приятным ребенком Элис – большим парнем, у которого все лицо в прыщах. Он доставлял матери немало хлопот. Уже не раз звонил директор школы. «Ваш сын третирует одноклассников». Болтать с ним я не собирался и поэтому спросил Тину, сидевшую напротив, о магазине пряжи.

– В пятницу привезли новую партию альпаки! – Она бросила взгляд на Эндрю. – Мои сногосшибательные новости...

Не люблю, когда женщины принижают свои заслуги. А мужчинам вроде Эндрю только того и надо. Вспомнилась снисходительная усмешка в книжном, когда он заговорил о ее «небольшом бизнесе».

– Восхищаюсь смельчаками, которые не боятся начинать дело, – сказал я. – Надеюсь, ты гордишься женой, Эндрю?

– Конечно.

Он завладел разговором: у отца началась деменция, и его перевезли в дом престарелых; мать, у которой достаточ-

но своих проблемы со здоровьем, не справляется. Ужасная несправедливость! На ее долю выпало столько страданий!

Элис коснулась его руки.

– Знаю, – произнесла она. – Знаю...

– Какой кошмар, – поддакнул я.

Дейзи макала палец в пластиковый контейнер с мятной райтой⁶ и слизывала йогурт с зелеными крапинками. Я вдруг понял, кого она мне напоминает.

– Господи, до чего ты похожа на Флорри!

Вылитая сестра Эндрю.

Она подняла глаза, снова облизывая палец.

– Да, мне часто говорят.

Повисла тишина. Я слишком бестактно перебил Эндрю?

– Прости, – произнес я и жестом попросил его продолжать.

– Эндрю, твоя мама не захочет летом присоединиться к нам? – спросила Элис. – Ивонн и Карл уперлись и хотят жить в гостинице, так что место есть. Может, ей станет полегче?

Тон Элис отдавал холодком – предложение было очевидно неискренним, зато, с моей точки зрения, удачно переводило беседу на тему Греции.

– Ивонн и Карл приезжают каждый год? – осведомился я.

– Нет, были в начале раз или два. Но этот год особенный, десятая годовщина исчезновения Джесмин.

– Что-то вроде паломничества?

---

⁶ Райта – индийский салат с йогуртом.

– Что-то вроде.

Она глядела на меня. Я улыбнулся в предвкушении и про-
изнес:

– Замечательно!

Я доел баранину по-индийски и уже приговорил пару бутылоч пива. Откинулся на спинку, наслаждаясь своим звездным часом. Сейчас она опять меня пригласит – на этот раз при всех. Логично же. Наверное, специально их позвала по такому случаю. Я, разумеется, волен отказаться. Однако приглашение, и все, что оно сулит, вот-вот будет представлено на мое рассмотрение.

– Наконец-то загорю по-человечески, – заявила Фиби.

– Если это последний раз, надо взять напрокат каяки! – крикнул Фрэнк.

– Действительно! – смеясь поддержала Тина.

– Если только не случится очередное нашествие медуз, – вставила Фиби.

– О нет! – возопил Эндрю. – Чур, я никому не писаю на ожоги! И не просите!

– Как вспомню прошлогоднюю пахлаву в «Гиоргио» – слюнки текут! – добавила Тина.

– В «Нико», – поправила Элис.

– Правда?

– Нет, «Гиоргио», – подтвердил Эндрю. – Ты так злилась, что не обратила внимания!

Все засмеялись.

– Надо сплавать к Серениной скале, – предложил кто-то.

Было ли это название скалы или отсылка к забавному случаю, который произошел с некой Сереной, я не знал, и никто не потрудился мне объяснить. Я сидел там, кислый, как лимон из греческого сада, и пунцовый, как креветка под красным соусом. (Тина: «Изумительные, особенно под графинчик розового вина!»)

– Так смачно рассказываете, аж самому захотелось! – вставил я, когда в разговоре возникла очередная пауза.

Эндрю ухмыльнулся. Рука Элис лежала на спинке его стула.

– Кофе? – спросила она немного погодя.

– Ребята, не прогуляться ли вам в парке? – предложила Тина.

Мальчишки встали, отодвигая стулья.

– Пол, ты с ними? – спросила Фиби ничего не выражающим голосом.

Я опешил. На что она намекает? Ставит меня на один уровень с желторотыми оболтусами?!

– Не уверена, что Пол любитель прогуляться, – вмешалась Элис.

– Ага, он больше любитель поваляться! – с издевкой добавил Луис.

Эндрю засмеялся, а я, повинуясь внезапному вдохновению, вскочил и бросился на Луиса.

– Ха-ха, очень смешно! – Я сделал этому неандертальцу

шейный захват и несколько раз ткнул в бок, как будто мы с ним не разлей вода и это дружеское поддразнивание. Он вырвался и пошел к лестнице, потирая предплечье. Придурок!

Я подождал несколько секунд, пока захлопнется входная дверь, и только потом направился наверх в туалет.

На столе в коридоре стояла бутылка вина. Захотелось грохнуть ее прямо там, на черно-белых викторианских плитках пола. Вместо этого я взял со стола что-то маленькое, завернутое в тонкую оберточную бумагу. Подарок хозяйке дома. Похоже на мыло. Мой твидовый пиджак висел здесь же, на переполненной вешалке, и я спрятал мыло во внутренний карман. Вряд ли Элис вообще его заметила. Подарю маме.

Обернулся. На верхней ступеньке кухонной лестницы стояла Тина. Неужели видела? Нет, улыбается, но как будто против воли, и нервно то сплетает, то разводит пальцы.

– У тебя с Элис серьезно? Прости, я должна спросить.

Я помедлил мгновение.

– Конечно.

– В смысле, ты ее не обидишь?

Я насилу сдержался.

– Разумеется, нет.

Она сделала шаг вперед и схватила меня за рукав.

– Я знаю, что ты обычно... Ей, наверное, нужен не такой... Просто мы... Что бы ни произошло, как бы ни сложилось, пожалуйста, не делай ей больно!

Я отдал небольшой поклон, стиснув зубы и пряча раздра-

жение за улыбкой.

– Смею заверить, мадам, намерения у меня самые благородные.

Она пристально посмотрела на меня и, как будто удовлетворенная увиденным, добавила:

– Извини, не стоило этого говорить. Просто Эндрю волнуется. Она заслуживает счастья.

– Ты тоже, – сказал я многозначительно, улыбнулся приятнейшей из улыбок и проследовал в туалет, надеясь, что смог ее растревожить.

Как они с Эндрю смеют меня судить? Я не собирался обижать Элис, а если бы и так – переживет! У нее дом, друзья и деньги, а у меня ничего!.. Я весь вечер дулся и в приступе ханжеского возмущения успешно придушил мысль о том, что Тина, быть может, права.

Глава 6

После того случая Греция занимала все мои мысли.

Я лежал на узкой кровати в материнском доме и изнемогал от обиды.

В соседском саду ребенок играл в детский теннис – мокрый мяч шлепал о пластмассовую ракетку, через два дома таявквал йоркширский терьер, у матери на всю катушку разглагольствовал по радио Саймон Майо. Я вспоминал события десятилетней давности. Совместное путешествие с Саффрон. Дешевая квартира на главной улице города, где сосредоточились ночные клубы («Зевс сведет тебя с ума»), бары у бассейнов и ирландские пабы; мигающие неоновые огни за окном, запах жареной рыбы и дизеля, тарыхтение мопедов.

Мы купили билеты на водную экскурсию. Помню, капитан крепко хватал всех за руку, помогая подняться на борт. Палуба под ногами покачивалась, люди напирали. Помню чьи-то колени и головы, чей-то загорелый облезавый бюст. Холодную зеленую бутылку, трясущуюся у рта. И музыка, сиртаки, громкая, бренчащая и скрипучая, которую мы повезли с собой из города в море, восходящие звуки греческой гитары и потрясающая аквамариновая вода вдали от туристической наикипи – прозрачные участки между темными скалами просматривались на шесть метров прямо до белого песчаного дна, где, поблескивая, носились стайки рыб.

Злополучный вечер, который я старался забыть, запомнился фрагментами: выпивка, ссора, Саффрон, норовящая разбить мне голову бутылкой, голые ноги другой женщины...

Я открыл глаза, и на меня навалилась комната родительского дома: упаковка супербольших салфеток, которую мать предусмотрительно оставила на столике у кровати; на стене, чуть выше, – три фотографии «Старого Шина» в рамочке; маленький бесполезный кованый камин, выкрашенный глянцевой белой краской, с паучником в подставке для дров.

Почему Элис не включает меня в свои планы? Я теперь ее мужчина. Почему я не еду на Пирос?

Обедая в воскресенье у Майкла, я только об этом и говорил.

– Неужели ты в самом деле туда хочешь? – Он приготовил в духовке курицу с овощами и теперь, стоя в своем воскресном обмундировании из треников и тапочек, соскребал со стенок жаропрочной стеклянной формы пригоревшие остатки. – Ты же не любишь уезжать из Лондона!

– Небольшой отдых пойдет на пользу.

Энн, плотная невзрачная жена Майкла, которая работала заместителем директора школы, возразила:

– Это семейное мероприятие. По определению, будут дети. – Махнула рукой в сторону сада, где ее двойняшки не могли поделить игрушечный трактор. – В твоем представле-

нии – сущий ад!

– Они уже большие. Подростки. Три пацана и две девчонки, обоим семнадцать.

Майкл перестал колупать утятницу и воззрился на меня.

– В бикини, – добавил я.

Он ухмыльнулся и тут же сконфуженно посмотрел на жену. Энн выразила раздражение тем, что поднялась и застегнула верхнюю пуговицу джинсов (ела с расстегнутой).

– Задета твоя гордость, – изрекла она, загружая посудомоечную машину. – Хочешь получить приглашение, только чтобы от него отказаться.

– Просто оскорбляет, что однажды она позвала, а с тех пор, как спим вместе, больше не зовет. Не понимаю! Я ду- мал, в сексе я ничего...

Майкл бросил на меня снисходительный взгляд.

– Поехали с нами в Уэльс! Ребятишки с удовольствием поживут в палатке с дядей Полом!

Еще одна ложь, которую мы все с энтузиазмом поддерживали, – будто бы я нравился его детям...

– Ты не сильно любишь палатки, помню, но, по моему опыту, Греция тоже не верх комфорта. Я имею в виду туалеты.

– Зная Элис, жилье будет роскошным.

– Итак, Пол Моррис, – продолжал Майкл, – чем же так привлекла тебя миллионерша Элис? Как там ее фамилия?

Секунду я не мог вспомнить.

– Маккензи.

Взгляд, которым они обменялись с Энн, был почти сочувственным.

– Может, она не понимает, что ты хочешь поехать? – предположила Энн. – Я тебя люблю, Пол, ты это знаешь...

(Вообще-то, не знал. Она всегда оставалась на редкость невосприимчивой к моим чарам.)

– ...Но долгие отношения не твой конек.

– Плюс она для тебя старая. – Майкл встал и обнял жену, зарываясь подбородком ей в волосы. – Выбрось ты ее из головы! Найди очередную молоденькую девицу и развлеки нас сочными рассказами!

Обижаясь на непонимание и покровительственный тон, я замолчал и рано засобиравшись домой. Может, я и переборщил с образом плейбоя, но все равно бесит, что меня не воспринимают всерьез!

На случай, если Энн все-таки права, я поставил себе целью показать, что хочу поехать, и раз за разом намекал на это Элис. Как-то дождливым вечером мы сидели в модном баре в Брикстоне. На тротуаре мокли фестоны цветов. С провисшего брезента над входом капало.

– Английская погода! – проворчал я, когда мы раздевались. – Тихий ужас! Будь у нас месяц солнца в году – да хоть две недели! – насколько счастливее мы были бы как нация...

– Дефицит витамина D, – отозвалась Элис.

– Везет тебе! – жалобно продолжал я. – У тебя есть Гре-

ция! А я не знаю, как тут выдержу...

– Бедолага.

Не выгорело...

В следующую субботу встретились за кофе в Ковент-Гарден. Элис ходила за подарками ко дню рождения Фиби и теперь показывала мне свои приобретения, миниатюрные тряпочки: топ с оборками, джинсовую мини-юбку, вельветовые шорты с золотистыми заклепками, коротенький оранжевый жилет и, гвоздь программы, бикини! Купальник был зеленым, с разбросанными по всему фону желтыми пальмами и розовыми зонтиками, стиль пятидесятых – с ляжкой вокруг шеи и поролоновыми чашечками. Недостаточно сексуально, на мой вкус.

– Очень мило! – заявил я, симулируя одобрение. – Это ты себе?

– Не смейся! – Она шлепнула меня по руке.

– Для Фиби в Грецию?

– Ага. Экипировка для поездки под видом подарков ко дню рождения. Я совсем обнаглела!

Я посмотрел на нее в упор.

– Кто едет в этом году?

– Ивонн и Карл останутся в гостинице, так что в доме будет только наша компания.

– Только ваша компания...

– Надо столько всего упаковать...

Покачивая бедрами, подошла изящная лапочка-офици-

антка в черной юбчонке, и Элис заплатила по счету.

– Хочешь, пообедаем сегодня у меня? – добавила она, многозначительно прищуриваясь.

– Нет, пока есть вдохновение, надо писать, – холодно отозвался я и быстренько сбежал.

Скоро, впрочем, об этом пожалел. В качестве обеда пришлось довольствоваться сэндвичем из «Сабвей» на вокзале Виктория. Какая мерзость!

После этого случая надо было наверстывать упущенное. На обиженных воду возят. Требовалось срочно усилить наступление и в то же время сделать это незаметно. Меня осенило пару дней спустя. Мать принесла с чердака мешки с вещами и оставила их на полу в спальне. Я рылся в них, пока не нашел запутавшуюся в краденом гостиничном полотенце фиолетовую футболку из Элунды. Зазубренными черными буквами на ней было написано: «Зевс сведет тебя с ума».

В следующий раз, собираясь к Элис, я натянул ее под свитер и устроил в спальне медленный стриптиз, раздеваясь и танцуя диско, пока не остался в трусах и футболке.

– Я сведу тебя с ума! – произнес я, прижимая Элис к туалетному столику.

– Прекрати сейчас же! Ненавижу эту футболку! Напоминает о той ночи. Ты был так пьян, так... отвратителен!

Я продолжал извиваться, гуляя руками по ее телу.

– Тебе очень пойдет бикини! Что еще нужно...

– Пол, води себя прилично!

Дело сдвинулось только в первую неделю июня. Майкл отдал нам пару бесплатных билетов в Национальный театр на южном берегу Темзы. Шла политическая сатира о бывшей Югославии. Элис прехала прямо с работы.

Она была раздражена и рассеянна – клиенту грозила депортация. Когда я подошел, как раз говорила по телефону. В антракте ей снова позвонили. Мы сидели на нижней ступеньке лестницы на балкон. Я ковырял пластмассовой лопаточкой медовое мороженое и ждал, пока она закончит. Мимо все время ходили, и я то и дело дергал плечом, чтобы пропустить.

Она дала отбой и тяжело вздохнула.

– Не везет.

– Бедная Элис! Тебе в самом деле пора отдохнуть!

– Жалеть надо не меня.

– В любом случае до отпуска всего ничего.

В пиджаке я весь взмок. Помню, еще пожалел, что не оставил его на сиденье.

– Забудешься хоть ненадолго.

– Вряд ли.

Она полистала программку и ткнула в фотографию актера, игравшего главную роль.

– Снимается в «Катастрофе». То-то думаю, лицо знакомое...

– Ни разу не смотрел и не собираюсь.

– Само собой, слишком примитивно для тебя! – Ее голос звучал глухо и сурово. – Чтобы Пол Моррис опустился до сериала? Как бы не так! – Бросила программку. – Извини, я устала. В Греции будет слишком много дел. В сентябре приедет за мебелью транспортная компания, надо освободить шкафы, буфет – десять лет обрастали скарбом. – Вздохнула. – Бросить все, и пусть застройщик сам разбирается – пусть сровняет дом с землей вместе с пожитками... Так нет, мне непременно надо убраться. Очень по-британски. О, и еще с «Гермесом» что-то придумать! Господи...

– Гермесом?

– Старый пикап, достался мне вместе с домом. Сломался много лет назад. Если заведется, продала бы...

Прозвенел звонок к началу второго акта. Я решил пойти ва-банк. От напряжения кружилась голова.

– Так тебе просто нужен профессиональный механик!

– Да. Надо поискать на Пиросе, полагаю, они там все-таки водятся.

– А может, подойдет сексуальный мужчина, который в годы учебы не боялся на каникулах марать руки и подрабатывал помощником в «Маккой и Маккой Моторс»? Лучший автосервис в Мортлейке! Техобслуживание и ремонт. Без предварительной записи! – Я встал и поднял вверх большие пальцы.

– Ты, – она повторила мой жест, – предлагаешь починить машину?

Я пожал плечами и заложил руки в задние карманы брюк.

– Может, ты неверно меня оценила и я не такой уж и «умник»?

Она поднялась, и, поскольку стояла на ступеньку выше, наши глаза оказались на одном уровне.

– Мы все трепались, как будет классно, а на самом деле – нет. Мне грустно прощаться с этим домом. Да еще десятая годовщина Джесмин... Ивонн и Карл... Приятного мало. Тебе может не понравиться.

Прозвенел второй звонок. Я взял ее под руку и повел в зрительный зал, не в силах спрятать улыбку.

Когда мы подошли к нашему ряду, она снова обернулась ко мне. Пожилой мужчина и две женщины помоложе поднялись, убирая с дороги сумки и одежду, чтобы нас пропустить. Элис, не шевелясь, стояла к ним спиной.

– Решено – еду! – заявил я.

Она вглядывалась мне в глаза, казалось, целую вечность, наконец кивнула и прошептала:

– Хорошо. Я рада.

Слегка коснулась губами моих губ и изящными шажками пошла впереди меня к своему месту.

Я повернулся боком и двинулся следом. Споткнулся о чьи-то вещи, улыбнулся одной из женщин, качнулся, соорудил гримасу и извинился. Наверное, я производил впечатление неуклюжего недотепы, который никак не вписывается в проход. На самом деле меня переполняло чувство, что я мо-

гу воспарить. Ура! Победа!!!

Сентябрь 2015

Прошлой ночью спал мало. Зуд почти невыносим. Предплечье покраснело и раздулось, а место укуса, в центре, – бледное и твердое, ранку давно не видно из-за воспаленной кожи, и совершенно утрачена чувствительность, как будто под кожей выросла косточка от персика. Вокруг же я расчесал все до крови. Жгучая боль, зуд и снова жгучая боль – этот замкнутый круг сводит меня с ума.

На днях отвели к тюремному доктору, мужчине средних лет с большими руками и глубокими морщинами на лице. По-английски он говорил не лучше, чем я по-гречески, но от него так явственно исходило сочувствие, что я чуть не заплакал. Он дал мне крем от инфекции – полагаю, антибиотик – и мазь от псориаза для лица и рук. Показал, как наносить, макая в мазь огромный толстый палец и втирая, словно моет окно. Где сейчас эти лекарства, я не знаю, здесь вечно все теряется. В поисках крема перевернул койку, вывалил на матрас ящик тумбочки. Безрезультатно пересматривая его скудное содержимое, вспоминал, как паковал чемоданы в Грецию, как тщательно отбирал каждую вещь – белая рубашка, хлопчатобумажные летние брюки, модные «вансы», которые купил на распродаже. Хотел взять фиолетовую футболку «Зевс». Если правильно подгадать, можно позабавить собравшихся. Но не нашел...

В последнее время часто вспоминаю дом. Не квартиру в Блумсбери и не семейный очаг Элис в Клапхеме. В памяти встает материнский дом в Ист-Шин: моя комнатуха окном в сад, камин с крашеной глянцевитой решеткой, горшок с паучником.

Теперь эта комната пуста.

А потом

Глава 7

Проснулся я от жары. Солнце жгло веки, добиралось сквозь одежду до самой кожи. Взмокла поясница. Молния дорожной сумки под головой впивалась в кожу, и еще что-то твердое – несессер – в шею.

Я вытянул затекшие ноги, с трудом перевернулся и сел, моргая. Несмотря на ранний час, сквозь листья платанов пробивался яркий свет, а небо было индиго-синим. В воздухе жарко пахло свежим хлебом, эвкалиптом, анисом и чем-то менее приятным – мочой. Вдалеке с шумом поднимались ставни магазина, ревел мотоцикл. С другой стороны улицы на меня пристально смотрела пожилая гречанка.

Автобус так и стоял на остановке. Вчера вечером его бело-синяя раскраска показалась мне эффектной – триумфальной, точно флаг. Теперь, на трезвую голову и при дневном освещении, я разглядел ржавчину над колесными арками и заляпанные окна. Все сиденья, включая водительское, пустовали.

Я потер щеки, на которых отпечатались складки сумки. В голове стучала кровь. Во рту было горько и першило от никотина и аниса. Интересно, нельзя ли в такой час где-

нибудь выпить?..

Перелет получился сумбурным актом абсурда. Элис велела «посмотреть на ФлайБест» и забронировать билет на рейс компании «Томас Кук», который отправлялся в ночь с субботы на воскресенье. Был еще вариант с «Бритиш Эйруэйз», который вылетал в более адекватное время, но гораздо дороже. К тому же, выбрав ночной, даже несмотря на два часа разницы во времени, «к пяти вечера уже будем плескаться в бассейне».

– Фунтов за пятьсот. С тех пор как я покупала, билеты немного подорожали. Но хотя бы прилетим вместе. Эндрю заказал микроавтобус. Как-нибудь найдем для тебя местечко...

Мы лежали в постели после театра. Положив голову мне на руку, Элис мягко целовала мое плечо и поглаживала грудь.

– Так и сделаем, – пробормотал я, радуясь, что ей не заметен ужас на моем лице.

Я и не представлял, что билеты такие дорогие!.. Я собирался стрелкнуть деньги на дорогу у Майкла, но даже мне было стыдно просить у него такую сумму.

На следующий день залез на «ФлайБест». «Томас Кук» стоил шестьсот восемьдесят два фунта, «Бритиш Эйруэйз» – тысячу двести. Прокрутил вниз несколько страниц, нашел вариант подешевле. В графе «продолжительность полета»

вместо пяти часов и десяти минут прямого рейса значилось семнадцать часов и сорок минут. Плюс две пересадки. Рейс вылетал из Хитроу субботним вечером в десять, еще до «Томаса Кука», и прибывал на пять часов позднее, в семнадцать сорок в воскресенье, через десять минут после рейса «Бритиш Эйруэйз». Я купил билет.

– На «Бритиш Эйруэйз»? – переспросила Элис, когда я несколько смущенно объявил ей новости.

– У меня с утра встреча с американским издателем. Она в другое время не может. Я бы отказался, но...

– Нет, ни в коем случае! – Элис задумалась. – Арендовать машину тебе нет смысла. Если летишь один, придется взять такси до Пироса. Добрых два часа пути и минимум двести евро убытка.

Я уже погуглил – я как раз успевал на последний автобус из аэропорта.

– К черту деньги! Зато к пяти вечера буду плескаться в бассейне!

Сначала все шло по плану. Я вылетел из Лондона холодным дождливым августовским вечером. Рейс прибывал в Мюнхен ночью, без десяти час. Промаявшись на пластмассовом стуле в зале вылета, сел на ранний утренний рейс до Афин, где сразу после обеда должен был сделать еще одну пересадку. Вот тут-то все и пошло наперекосяк. Рейс «Эгейских авиалиний» продолжительностью каких-то пятьдесят пять минут задержался по техническим причинам и прибыл

в международный аэропорт «Иоаннис Викелас» на Пиросе только в двадцать два пятнадцать, почти на пять часов позже, чем я рассчитывал. Автобус, разумеется, уже ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.